DOI: 10.31249/rsm/2025.04.16

*Т.Г. Пархалина*

# ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

***Аннотация.*** *Данный материал представляет собой обзор докладов на общероссийской научно-практической конференции, проходившей в ИНИОН РАН 27 мая 2025 г. и посвященной анализу места и роли Объединенной Европы (ЕС) в процессе формирования нового мирового порядка. В конференции принимали участие эксперты институтов РАН, московских и региональных вузов.*

*Основной вывод, который был сделан практически всеми участниками конференции, сводился к тому, что роль и место Евросоюза во вновь формирующемся мировом порядке будет зависеть от того, как сам Евросоюз будет решать эту сложнейшую задачу, как он будет выстраивать свою стратегическую и политическую автономию от главного стратегического партнера и одновременно конкурента – США.*

***Ключевые слова:*** *Объединенная Европа; ЕС; НАТО; новый мировой порядок; США; Китай; Россия.*

**Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, советник директора, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.**
**E-mail: parkhalina@inion.ru**

***Parkhalina T.G.***

# Shaping a New World Order and the Role of a United Europe: A Review of Conference Materials

***Abstract.*** *The presented text is a review of the materials of the all-Russian scientific-practical conference "Formation of the New World Order and the Role of a United Europe (the EU)," which was organized and held by INION RAS on May 27, 2025. The above-mentioned conference was devoted to the analysis of the role and place of the EU in the process of shaping the New World Order. Researchers from different institutions of the RAS, as well as from Moscow and regional universities, participated in it.*

*The main conclusion, shared by practically all participants, is that the role and place of a United Europe in the New World Order will depend on the EU itself, on the capabilities of this integrative complex to address one of the most complicated problems – the problem of shaping its own strategic and political autonomy from its main partner and competitor, the USA.*

***Keywords:*** *United Europe; the EU; NATO; New World Order; the USA; China; Russia.*

**Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences, Advisor to the Director, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.**
**E-mail: parkhalina@inion.ru**

Настоящий момент мировой истории характеризуется серьезными потрясениями и даже обвалом системы глобальной и евро-атлантической безопасности. Мировая система находится в процессе транзита от старого Ялтинско-Потсдамского мирового порядка (а затем – не до конца оформившегося порядка после окончания холодной войны) к новому, контуры которого будут определены к 2035–2040 гг.

Мировой порядок – это динамика власти, принципов и норм отношений между государствами, международными институтами и другими глобальными игроками. Индикаторами изменений являются: возвышение ряда стран как мощных экономических игроков (пример – Китай), возникновение глобальных кризисов (пандемия COVID-19), которые меняют не только состояние экономики, но и судьбы, и образ жизни людей, а также функционирование целых отраслей производства; технологические достижения, такие как ИИ (искусственный интеллект) и машинное обучение; изменение торговых моделей.

После прихода администрации Трампа в Белый дом стало очевидным, что мир находится на развилке: либо это будет новая биполярность (США – КНР), либо концерт трех держав (США – Россия – Китай), при наличии полицентричности (Индия, Турция, Объединенная Европа – ЕС, Латинская Америка, Африка, Азия, помимо Китая); либо многополярность, которая пока под вопросом.

Претензии любого государства на то, чтобы стать полюсом, обусловлены наличием ряда факторов, причем их совокупностью, а не некоторыми из них. К ним относятся следующие: высокий уровень экономического и технологического развития; конкурентоспособность в различных сферах; высокий образовательный уровень; военный потенциал (включая ядерный); демографические параметры; способность быстро реагировать на новые вызовы и выстраивать кооперативные отношения с различными игроками; культурная привлекательность; наконец, последняя по списку, но не по содержанию – стратегическая автономия.

На нынешнем этапе, когда Соединенные Штаты при администрации Трампа все более и более склонны применять так называемую коммерческую дипломатию для решения сложнейших мировых проблем, очевидно, что экономические факторы становятся превалирующими. Здесь следует отметить, что экономика всегда играла роль триггера в решении проблем войны и мира в соответствии с трюизмом «политика является концентрированным выражением экономики», а «война является продолжением политики иными средст-

вами». Но никогда ранее лидирующая держава мира не объявляла торговые войны всем остальным игрокам одновременно, никогда ранее слово «сделка» (присущее экономическим взаимоотношениям) не звучало так часто в определении проблем, связанных с сохранением человеческих жизней.

Экономическое измерение мировой политики, по всей видимости, при Трампе будет играть все более значимую роль в определении приоритетов не только самих США, но и их союзников, партнеров и конкурентов.

Сегодня по-прежнему существуют три центра экономической гравитации в экономической сфере – США, Китай, Евросоюз [Надточей 2024]. Остальные государства заинтересованы в выстраивании тесных отношений с ними, думая прежде всего не о многополярности, а о выживании в условиях обрушения предыдущего миропорядка.

Понятно, что при любом развитии событий Евросоюз будет оставаться полюсом силы в формирующейся на наших глазах следующей «новой» системе международных отношений. Обусловлено это его экономической и политической привлекательностью, причем не только для жителей Европы. Привлекательность эта базируется на четырех свободах: общий рынок и свободное передвижение людей, товаров, капиталов, идей; на социальном партнерстве; на многоуровневом управлении (наднациональный, национальный, региональный уровни); способности и возможности поиска ответов на новые вызовы и риски [Белинский, Надточей 2024]. При этом у него отсутствует «стратегическая автономия», что особенно ярко проявилось в ходе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г.

Обсуждению роли Объединенной Европы во всех этих процессах и была посвящена конференция, прошедшая 27 мая 2025 г. в ИНИОН РАН. Многое будет зависеть от того, как сам Евросоюз будет определять свое место в меняющемся мире. Конференцию открыл директор ИНИОН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук А.В. Кузнецов, который подчеркнул необходимость анализа процессов, происходящих в Европе, несмотря на сложность отношений между РФ и ЕС на современном этапе.

Первая сессия конференции была посвящена теме меняющейся роли евроатлантических институтов в условиях отхода США от концепта солидарности. Профессор Уральского федерального университета, доктор исторических наук Валерий Иванович Михайленко обозначил тему своего выступления как «Возможен ли новый ялтинский порядок и/или мир регионов?»[1].

Он отметил, что, несмотря на свою незавершенность, особенно в части институтов силового поддержания мирового порядка, Ялтинско-Потсдамский

*1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24-28-01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав».*

мировой порядок (ЯПМП) аккумулировал идеи, институты и ценности, которые были результатом развития европейской мысли и политической культуры, а также уроков антифашистской борьбы. ЯПМП стал «стандартом цивилизованности» для мирового сообщества. Одной из доминант Вестфальской модели, как результата развития европейской правовой мысли, является международное право: примат личности, суверенитет государства, отношения между государствами, основанные на международном праве и т. д. Европейский (либеральный) подход фокусируется на отдельных лицах и сообществах как на основных единицах, определяя безопасность как защиту прав человека и свобод от государственного произвола, а не делая приоритетом сохранение самого государства.

Тем не менее наступает время прощания с европоцентричной Вестфальской моделью миропорядка. Говоря о фрагментации мирового порядка, докладчик отметил, что на нее влияют как объективные факторы – пандемия, деглобализация, регионализация, фрагментация мировой экономики, война тарифов, изменения баланса сил, разрыв цепочек поставок, рост самосознания в странах Глобального Юга, так и субъективные – международно-правовой нигилизм со стороны лидеров глобального мира. К примеру, обе сверхдержавы стремятся переупорядочить мир. США и Китай по-разному создают свои институциональные сети и способы их продвижения.

США стремятся к более компактным (преимущественно минилатеральным), тесно связанным группировкам со своими союзниками и избранными партнерами, основанным на их стратегической сплоченности, политическом выравнивании, экономико-технологических возможностях и общем восприятии вызова/угрозы со стороны Китая.

Китай стремится к накоплению численного доминирования в многосторонних институтах, пытаясь объединить Глобальный Юг, чтобы склонить чашу весов против Запада. Акцент на Глобальном Юге во внешней политике Китая стал все более заметным в последнее десятилетие на фоне растущего отчуждения Китая от Запада. Страны Глобального Юга стали жизненно важными экономическими партнерами, а также незаменимыми электоратами и нормативными союзниками в усилиях Китая по построению более прокитайской и менее западноцентричной глобальной системы. Подход «большого числа» основывается на растущих инвестициях Китая в ООН, большинство членов которой являются развивающимися странами. Китай неуклонно наращивает свое влияние, назначая китайских граждан на руководящие должности в агентствах ООН. Число китайских граждан, работающих в ООН, увеличилось почти в 2 раза: с 794 в 2009 г. до 1564 в 2022 г. С 2019 г. Китай превзошел Японию и стал вторым по величине финансовым вкладчиком в регулярный бюджет ООН. Китай также укрепил сотрудничество Юг-Юг в рамках ООН посредством таких инициатив, как предоставление дополнительного финансирования для модернизации Фонда содейст-

вия сотрудничеству Юг-Юг до Фонда глобального развития и сотрудничества Юг-Юг; формирование группы друзей Инициативы глобального развития Китая с более чем 80 странами-участницами; и расширение сети сотрудничества Китая Юг-Юг с участием 50 технических комитетов.

В итоге обе державы обращаются к «институциональному балансированию», которое определяется как «мягкое балансирующее поведение», используемое соперничающими государствами.

Результатом этой политики соперничающих держав становится все более фрагментированная и оспариваемая глобальная система.

### Мировой порядок, основанный на «международном праве» или «на правилах»

Последняя формулировка поддерживается всеми азиатскими странами и США. Азиатские государства хотят международного порядка, основанного на конституционных нормах независимости, равенства и верховенства закона. При этом независимость рассматривается как свобода выбирать собственную внутриполитическую систему и определять своих друзей и врагов, а именно то, что некоторые в Азии называют «стратегической автономией».

Для них равенство означает, что в международной дипломатической жизни посланники и представители каждой страны могут сидеть за столом универсальных организаций. Малые азиатские государства не ожидают, что у них будет право вето в Совете Безопасности ООН, но они поддерживают базовую хартию прав и защиты, доступную всем. Это отражается в поддержке азиатскими государствами «международного порядка, основанного на правилах». Они обвиняют США и западных партнеров в частом нарушении принципов «порядка, основанного на международном праве». Поэтому азиатские государства в разной степени скептически относятся к заявлениям, что либерально-демократическое управление должно быть желательным стандартом международного порядка [Bajpai 2023].

Российский министр иностранных дел С. Лавров полагает, что «порядок, основанный на правилах», навязывают Соединенные Штаты и их союзники. А деятельность «избранных клубов», выдвигающих концепцию, инспирирована «коллективным Западом» [Лавров 2023]. Сама Россия призывает придерживаться договоренностей, закрепленных в документах ООН о приоритете международного права.

### Фрагментация и ослабление «коллективного Запада»

«Эпоха европейско-американского альянса после Второй мировой войны закончилась», – утверждает политический деятель Испании, бывшая министр иностранных дел Аранча Гонсалес Лайя. Администрация Д. Трампа попытает-

ся ослабить континент посредством сочетания внешнего принуждения и хищнической политики, утверждая, что ей необходимо контролировать Гренландию для своей национальной безопасности, стремясь к сближению с Россией за счет безопасности Европы, ослабляя сдерживание НАТО и оказывая давление в торговле, заключает Гонсалес Лайя [Gonza'lez Laya 2025].

«Запад, каким мы его знали, больше не существует», – заявила председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен на фоне стремительно ухудшающихся отношений с Соединенными Штатами при администрации Дональда Трампа [Leyen 2025]. Президент Трамп заместил понятия «демократические ценности» и «международное право» инструментами «сделок» и «таможенных войн».

Выдвинутая ЕС в 2003 г. концепция «эффективной многосторонности» означает поддержание «одного мира»: единого мирового порядка с основным набором правил, которым подчиняются все государства, поскольку им нужна стабильная политическая и финансово-экономическая основа для реализации своих интересов. Многосторонность должна играть гораздо более значимую роль как в существующих международных организациях, так и в новых специальных коалициях, объединяя демократические и недемократические страны, которые заинтересованы в конкретных решениях конкретных проблем. Сохранение всех государств в системе будет означать компромисс, но это гораздо предпочтительнее, чем выход крупных держав из системы и подрыв ее извне. Компромисс с другими силами имеет смысл только в том случае, если они соблюдают правила системы, как старые, так и новые. Представитель европейской критической политической мысли бельгийский политолог Свен Бископ полагает, что миропорядок двадцать первого века будет формироваться в острой борьбе старого и нового, в противостоянии между нисходящими и восходящими державами, между устоявшимися и вновь созданными международными институтами, между победителями и проигравшими в процессе глобализации [Biscop 2004].

### Амбиции Глобального Юга

Можно констатировать неприятие значительным числом незападных государств либерального мирового порядка, однополярного мирового порядка, мирового порядка, основанного на международном праве. Им противопоставляется «мир, основанный на правилах» и «порядок, основанный на многосторонности». Однако не все так однозначно в подходе разных сторон к трактовке этих понятий.

Например, аналитик из Наньянского технологического университета К.К. Питакдамронгкит (Kaewkamol Pitakdumrongkit) утверждает, что многосторонность не является панацеей для средних и малых государств. Конку-

ренция между крупными державами может привести к фрагментации системы управления. В результате малые и средние государства будут вынуждены выбирать чью-либо сторону против своей воли. Незападные страны должны осознавать, заключает автор, что у них есть возможность формировать «международный порядок, основанный на правилах».

Ее коллега Джоел Энджи (Joel Ng) сетует по поводу того, что США не будут поддерживать многосторонние институты и придерживаться международного права. «Опасность заключается в том, что множество государств последуют их примеру … и уже выбирают этот путь, что приведет к распространению конфликтов по всему миру». «Поддержание критической массы против надвигающейся смуты» он видит в конструировании региональных группировок [Ng 2025].

Постоянный автор издания Asia Times Сетио Будианторо (Setyo Budiantoro) утверждает, что «Азия нуждается в устойчивой парадигме развития, созданной самими азиатами» согласно их собственным традициям. «Постгегемонистский мир будет определяться не только сменой власти, но и сменой смысла» [Budiantoro 2025].

### Далее… «мир регионов»?

Фрагментация мирового порядка не означает его распада на регионы, но его усложнение. Как отмечает А. Ачарья, нас ожидает «мир растущей сложности» (a world of growing complexity) и «перекрывающееся разнообразие» (overlapping diversity) локальных и региональных конструктов. Современный мир должен дать дорогу более плюралистическому «мультиплексному миру» (multiplex World) [Acharia 2018]. Незападные государства имеют свои представления о мировом порядке, которые отличаются от европоцентричной Вестфальской модели [Михайленко, Михайленко, Мамин 2024]. Новый мировой порядок формируется с учетом новых реальностей в виде усиливающегося влияния незападных государств, и его конструкция будет зависеть от найденного компромисса между различными формами ви́дения устройства современного мира и возможностями их реализации.

Зав. отделом европейской безопасности Института Европы РАН к.э.н. Д.А. Данилов выступил с докладом «Курс ЕС на укрепление «еврообороны» в условиях геополитической турбулентности». Докладчик отметил, что формирование политических, институциональных, экономических и оперативных механизмов и инструментария «европейской обороны» рассматривается Европейским союзом не только как приоритет и безальтернативный путь достижения стратегической автономии, но и как безусловный императив обеспечения внутренней устойчивости в условиях кризиса европейской системы безопасности и эрозии постбиполярного миропорядка.

Вызовы Евросоюзу обозначены как нарастающие внешние угрозы, которые требуют от ЕС обеспечить надежное сдерживание «тех, кто хочет причинить нам вред». Российская угроза в этой связи рассматривается как экзистенциальная, что все более отчетливо подкрепляется нарративом не только «агрессивных действий России против Украины», но и планов проецирования военно-силовой политики в Европе за пределы украинских границ.

После периода надежд, связанных с приходом к власти Байдена и лозунгом «Америка вернулась», Европа вновь столкнулась с усилением внешних факторов, в частности, с вызовами трампизма. Европе пришлось приложить немало усилий и пойти на значительные уступки и потери, чтобы «пережить» первый срок Трампа, а затем восстановить атлантическую солидарность и сбалансировать отношения с Вашингтоном.

Но когда вернулся Трамп, «Америка отвернулась» от Европы. Уже не жесткие сделки на его условиях, не дипломатия, а демонстративное нежелание договариваться с союзниками. Трамп 2.0. уже другой, и это шок для Европы, поскольку поставлен под вопрос сам смысл концепции «стратегической автономии». С одной стороны, вызов трампизма заставляет евробюрократию толкать машину «еврообороны» вперед во что бы то ни стало, по колее, из которой она уже не может свернуть. Но, с другой – ясная евроатлантическая погода при Байдене уже сменилась мощным атлантическим шквалом, который обрушился на европейскую территорию, разрушая мосты и дороги. Попытки главных европейских «шаманов» задобрить каким-то образом высшие силы и договориться ожидаемо оказались безуспешны.

Европейцам важно понимать новый политический образ Трампа 2.0., который формирует его видение Европы и отношений с союзниками, а последние, по его мнению, не сумели доказать, что они стратегические партнеры. В чем же различия?

Раньше Д. Трамп играл роль солиста на сцене американской политики, и члены его команды должны были ему аккомпанировать, своего рода Back voices (бэк-вокалисты, англ.), отсюда постоянные перетасовки в администрации. Теперь Трамп, вероятно, понял, что для эффективного руководства необходима иная схема: он должен играть роль режиссера в своем театре или дирижера своего оркестра. Пока это вполне удается. Члены его команды исполняют свои роли в рамках единого замысла, который явно не проевропейский. Это даже не наступательный прагматизм, характерный для прежней администрации Трампа, и даже не экспрессивный неоизоляционизм, а гораздо хуже – это некий дрейф в сторону евронигилизма. Он уже не склонен «договариваться» с Европой о новых правилах игры, он ясно показал, что будет играть по своим.

К тому же Трамп не просто «обижен» на союзников, он расценивает их действия как европейский дворцовый сговор против него, и Высокий представитель ЕС по ОВПБ Кая Калас права, когда говорит, что Трамп хочет вое-

вать с союзниками. Но такие провокационные «реалистичные» высказывания официальных руководителей (которые для него предатели) только подчеркивают отсутствие у них идей, как можно было бы договориться, выйти на некую новую трансатлантическую сделку.

Ресурс политики America First Трампа 1.0. и отношений с союзниками по схеме «предложений, от которых нельзя отказаться», хотя и принесла ему весомые плоды, по существу исчерпан. В результате ставки европейской политической элиты на «жизнь после Трампа», чтобы взять реванш при Байдене, привели к политическому дефолту. Для Трампа не столь важно, насколько Европе удалось отыграться, для него такая игра принципиально неприемлема. Более того, он понимает, что должен за четыре года сделать гораздо больше, чем прежде. Он не будет участвовать в следующих президентских выборах и поэтому готов к более радикальным шагам в игре с европейским партнерами.

Но, конечно, отмечает докладчик, Вашингтон нуждается в опорных площадках для укрепления своих позиций в Европе. В политическом отношении он использует зависимость европейских союзников от американских гарантий. Трамп дал ясно понять, что они не безусловны, Европа должна Америке и теперь гораздо больше, чем он запрашивал раньше. Но для Вашингтона важны адресаты его европейской политики, чтобы поддерживать и варьировать инструменты влияния.

Первоначально Трамп демонстративно проявил неблагосклонность к «еврокомиссарам», но продемонстрировал понимание к тем европейским лидерам, которые дистанцировались от антитрамповского мейнстрима. И венгерский премьер Виктор Орбан прав, когда говорит, что теперь именно он представляет политический мейнстрим. С другими лидерами Трамп договариваться не склонен, хотя, конечно, не будет хлопать дверьми.

Попытки президента Франции Э. Макрона в очередной раз взять на себя роль трансатлантического миротворца Трампа не заинтересовали. Для этого недостаточно пригласить Трампа в Париж, а то, что Макрон записал в свой актив участие во встрече Зеленского, свидетельствует скорее о его попытке усидеть на двух стульях. Трамп видит лавирование Парижа по принципу «и своим, и чужим», что ему явно не подходит: для него европейские «предатели» не могут быть своими. Свои для него только те, кто готов играть в его игру – и на его стороне. Макрон не зарекомендовал себя ответственным партнером ни в отношениях с Вашингтоном, ни в самой Европе. Он выдвигает различные инициативы, не обеспеченные инструментами и ресурсами и потому довольно безответственные и провокационные.

Европа переживает кризис лидерства. Ведущие европейские страны (Германия, Франция, Великобритания и др. страны) столкнулись с внутренним кризом власти и управления. В этих условиях ЕС также не может опираться на прежние «двигатели интеграции», традиционные тандемы. Стремясь кон-

солидировать управление интеграцией за счет дирижизма европейских институтов и органов, Евросоюз еще более теряет внутренние опоры. Отличие ЕС от США в том, что Трамп стремится и способен круто развернуть американскую политику, а европейцы зажаты в тиски своих стратегических установок, которые они могут отчасти корректировать, но не изменять.

Дилеммы, связанные со способностью ЕС сконцентрировать и переориентировать внутренние ресурсы на построение «союза обороны» является другим важным аспектом рассматриваемой проблемы. Конечно, ее нельзя рассматривать в отрыве от внешнего влияния, однако важен анализ того, что уже многие определяют как «милитаризацию» ЕС. В этой связи важно понять, насколько директивные документы, принятые в ЕС (такие, как Стратегический компас 2022 г. и Белая книга ЕС по оборонной готовности (БК/ЕС), представленная 19 марта 2025 г. как совместный документ Комиссии и Высокого представителя ЕС по ОВПБ), позволяют Евросоюзу обеспечить намеченные ориентиры в обороной сфере.

Речь идет о том, насколько заявленные программы и планы по формированию «союза обороны» ЕС реалистичны в политическом, экономическом и военном отношении прежде всего с учетом:

– неопределенности американских гарантий в рамках НАТО;

– неучастия Британии в ЕС и, следовательно, в процессе планирования и принятия решений;

– вопроса о европеизации ядерных сил Франции и Великобритании;

– возможностей и ограничений существенного укрепления на коллективной основе общего рынка вооружений Евросоюза, ВПК и его технологической базы, и пр.

Для реализации декларированной основной цели «еврообороны» – противостояния «российской агрессии» – Евросоюзу была бы необходима интегрированная военная структура (условно, генеральный штаб), которая определяла бы потребности, оперативные сценарии и соответствующие ресурсы обеспечения совокупного европейского потенциала. Без этого цели и задачи по оптимизации оборонного строительства, стандартизации вооружений, масштабирования производства, «восстановления технологического превосходства» в ключевых оборонных сферах, как заявлено в «Белой книге по европейской оборонной готовности – 2030»), вряд ли могут быть обеспечены.

Однако вне зависимости от оценки существующего и планируемого «европейского» оборонного потенциала принятые в ЕС долгосрочные ориентиры и программы оборонного строительства, ориентированные на сдерживание России, задают устойчивую конфронтационную динамику, которую будет все более сложно развернуть в обратном направлении – нормализации российско-европейских отношений, обеспечения устойчивого процесса контроля над вооружениями и снижения военных рисков и опасности в Европе.

Доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского к.и.н. Д.С. Алексеев предложил для своего выступления тему «Россия и Европа: новые контуры взаимодействия на постсоветском пространстве».

Он отметил, что современное состояние двусторонних отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом находится на одной из самых низших точек за всю историю со времени окончания холодной войны. Последние 30 лет стороны прошли через несколько последовательно сменявших друг друга периодов взаимодействия от довольно тесного сотрудничества до глубокого кризиса.

Докладчик предложил характеризовать формат взаимодействия РФ и ЕС в регионе, формулой «конфликтной конкуренции». Директор Института исследований безопасности ЕС Стивен Евертс в недавнем интервью изданию Politico заявил, что Европа должна овладеть искусством ослабления (обессиливания) России» Европе необходимо наращивать усилия по взаимодействию с различными регионами для постепенного вытеснения России [Everts 2025].

Данный подход, вероятно, не является выражением всех точек зрения в ЕС на отношения с Россией, но можно предположить, что подобные идеи сегодня высказывает большинство представителей европейского политического и академического мейнстрима. Другими словами, можно ожидать, что в обозримой перспективе «конфликтная конкуренция» будет обретать все более четкие очертания и конкретные формы. ЕС постарается более активно действовать в регионах, которые РФ традиционно рассматривала, как стратегически приоритетных для себя и в первую очередь на постсоветском пространстве.

Обращаясь к теории международных отношений, стоит отметить, что большинство современных школ сходится в том, что конфликтный потенциал внутри отдельного региона негативно влияет на процессы внутренней интеграции. Так, Копенгагенская школа международных отношений и теория региональных комплексов безопасности, разработанная Барри Бузаном и Оле Вэвером, утверждает, что безопасность государств в значительной степени определяется их географическим положением и взаимодействием с соседями. Конфликты внутри региона усиливают взаимные угрозы, что затрудняет сотрудничество и интеграцию. Например, на Ближнем Востоке, несмотря на окончание холодной войны, враждебность между странами сохраняется, препятствуя региональной интеграции. Внешние угрозы могут способствовать интеграции (ССАГПЗ, АСЕАН), однако внутрирегиональные конфликты и противоречия размывают интеграционный потенциал [Buzan, Wæver 2003].

Неофункционализм, предложенный Эрнстом Хаасом, предполагает, что интеграция в одной сфере может привести к интеграции в других сферах через «положительный эффект распространения». Однако конфликты могут нарушить этот процесс, подрывая доверие между государствами и препятствуя

дальнейшей интеграции [Haas 1958]. Конструктивистские подходы подчеркивают важность идей, идентичностей и норм в формировании поведения государства. Здесь утверждается, что интеграция возможна, когда государства разделяют общую идентичность или нарратив. Однако конфликт часто усиливает враждебные идентичности и углубляет исторические обиды, затрудняя установление взаимопонимания, необходимого для успешной интеграции [Kowert, Norms 1996]. Здесь можно отметить определенные расхождения в идентичности социальных групп РФ, Центральной Азии и Южного Кавказа, особенно в условиях конфликтной международной среды.

С точки зрения реализма интеграция изначально сложна, особенно в регионах, подверженных конфликтам. Реализм утверждает, что государства в первую очередь озабочены относительными выгодами и безопасностью. Когда государства воспринимают друг друга как угрозу, стимулы к интеграции исчезают, поскольку сотрудничество может рассматриваться как уязвимость, а не сила. В результате регионы, характеризующиеся исторической враждой, такие как Северо-Восточная Азия, смогли достичь лишь ограниченной интеграции, несмотря на сильную экономическую взаимозависимость.

Таким образом, следуя ключевым теоретическим заключениям, можно предположить, что интеграционные процессы в ЕАЭС будут с большой долей вероятности, находиться под существенным внешним давлением.

Какими же представляются процессы развития вовлеченности ЕС в регионе постсоветского пространства? Очевидно, что приоритетными направлениями будут процессы более глубокого развития экономического участия стран ЕС в региональных вопросах. Эти цели сформулированы в Стратегии ЕС для Центральной Азии (2019), которая подчеркивает «устойчивость, процветание и региональное сотрудничество» как центральные линии. К примеру, в рамках инструмента NDICI – Global Europe (2021–2027) ЕС выделил в рамках программы Восточное партнерство около 1,5 млрд евро. Это дополняется Инвестиционным фондом для Центральной Азии (IFCA) [The new 2022].

Начало СВО в 2022 г. стало катализатором стратегической переоценки подхода ЕС к Центральной Азии. Регион стал геополитическим рубежом в контексте попыток Запада уравновесить влияние России и Китая. Вероятно, ЕС будет стремиться снизить влияние России в экономических и политических делах региона. Улучшить региональную связанность с Европой через коридоры в обход России, в частности Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ). В этом же контексте ЕС подписал меморандумы о взаимопонимании по стратегическому партнерству в области критически важного сырья с Казахстаном (2022) и Узбекистаном (2023), что отражает заинтересованность Европы в обеспечении доступа к литию, редкоземельным металлам и другим жизненно важным ресурсам для ее зеленого перехода.

За одиннадцать месяцев 2024 г. объем грузоперевозок по ТМТМ составил 4,1 млн тонн. Прогнозировалось, что за полный 2024 г. составляет порядка 4,47 млн тонн. Особенно значительный рост наблюдается в китайском транзите, который увеличился более чем в 14 раз. По прогнозам, в 2024 г. через порты Актау и Курык планируется перевалить около 8 млн тонн, в том числе 4,2 млн тонн по ТМТМ. Этот рост поддерживается не только увеличением экспортных и транзитных объемов, но и значительным увеличением импортного грузопотока [Транскаспийский международный 2025]. ЕС, возможно, добавит 18,5 млрд евро на втором этапе инвестиций, чтобы гарантировать, что автомобильные дороги, железные дороги и морские порты Актау и Курык смогут предоставлять безопасные и быстрые транспортные услуги из Китая в Европу.

Россия также старается наращивать торгово-экономические связи со странами Центральной Азии, и они действительно демонстрируют впечатляющий рост, порядка 30% за последние три года. В торгово-экономическом балансе стран ЦА Россия и ЕС практически достигли паритета, но с определенным перевесом в сторону ЕС 46 и 54 млрд долл. США, соответственно. Доля ЕС в общем товарообороте Казахстана, крупнейшего торгового игрока в ЦА, также постепенно превышает российскую 31% против 26%. При этом ЕС значительно опережает РФ по объему прямых иностранных инвестиций в регионе ЦА, составляя около 40% против 6% из России [The Belt 2023]. Саммит ЕС-ЦА 2025 г. призван еще сильнее укрепить экономические связи ЕС и Центральной Азии. Согласно пресс-релизу президента Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен после саммита, Европейский союз запустил инвестиционный пакет на 12 млрд евро в рамках инвестиционной программы Global Gateway. В дополнение к уже запланированным в 2024 г. 10 млрд евро [Outcomes 2025].

Южный Кавказ также остается в сфере особых внешнеполитических приоритетов ЕС, что в условиях «конфликтной конкуренции» несет в себе риски ослабления позиций РФ в регионе. Со времени подписания соглашения об ассоциации ЕС сохраняет позиции крупнейшего торгового партнера для Грузии хотя и при отрицательном торговом балансе. Доля ЕС в экспорте Грузии постепенно снижается с 22% в 2014 до почти 12% в 2023 г. При этом существенно вырос экспорт из ЕС в Грузию в 2022–2023 гг. более чем на 10% с 2 до 4,2 млрд евро. В то же время соотношение пропорций товарооборота Грузии с ЕС и Россией различается почти в 2 раза – 22% против 10% [European Union 2024].

С февраля 2022 г., по оценкам ЕС, Грузия фактически выполняет роль посредника в торговле между ЕС и ЕАЭС, получая от этого существенные выгоды. Однако при всех имеющихся плюсах, торговый баланс на 2023 г. остается дефицитным на 8 млрд долл. Тем не менее рост ВВП Грузии с февраля 2022 г. демонстрирует двузначный рост около 20% в 2022–2023 гг. В связи с этим Грузия, вероятнее всего, будет стремиться сохранить роль посредника, стараясь

максимально углублять торговые контакты как с ЕС, так и ЕАЭС, по возможности стараясь не идти на слишком большое сближение с одним из партнеров в ущерб связям с другим.

Армения, напротив, является крупнейшим партнером РФ в регионе с 35% доли торговли с РФ и лишь 13% с ЕС. Армения продолжает существенно зависеть от России в стратегических секторах промышленности, энергетики и продуктах питания (90% пшеницы из РФ, 85% газа, 70% нефтепродукты). На фоне имеющихся политических сложностей эти аргументы становятся весьма весомыми в вопросе выбора внешнеполитического курса. Армения имеет большой торговый дефицит с ЕС, почти в 3 раза.

Большая экономическая зависимость от РФ серьезно сужает пространство для политического маневра для ЕС, однако поражение в войне с Азербайджаном повлияло на политические настроения в обществе и рост проевропейских настроений. Вместе с тем у России есть очень высокие шансы сохранить тесные связи с республикой, как экономические, так и социально-политические.

Азербайджан же, напротив, продолжает сохранять высокую степень автономии в своей внешнеэкономической политике и в сфере обороны и безопасности. Производство энергии в Азербайджане превышает ее потребление в несколько раз, что делает страну одной из самых энергонезависимых стран в мире. Энергетика также доминирует в торговых отношениях между ЕС и Азербайджаном. ЕС является основным торговым партнером страны, составляя около 49% внешней торговли Азербайджана в 2023 г. из-за больших объемов поставок энергии. В 2022 г. 65% экспорта Азербайджана было направлено в ЕС. Экспорт газа составил около 12 млрд куб. м, из которых примерно 10 млрд куб. м было отправлено в Италию, около 1 млрд куб. м в Грецию и примерно 0,5 млрд куб. м в Болгарию [Товарооборот Азербайджана 2025a].

Одновременно с этим укреплялись и торговые связи РФ и Азербайджана. Расширяются торговые коридоры Иран – РФ. Идут поставки российского газа, что позволяет Азербайджану наращивать экспорт своего. Также растет и общий товарооборот между РФ и Азербайджаном [Товарооборот Азербайджана 2025], что позволяет говорить о двусторонней положительной динамике во взаимной торговле с РФ и ЕС.

В заключение докладчик отметил, что в условиях «конфликтной конкуренции» между РФ и ЕС, наметившейся в последние годы, страны постсоветского пространства вынуждены балансировать между двумя центрами силы. Однако это балансирование вынуждает малые страны региона действовать осторожнее и больше оглядываться на политическую и экономическую конъюнктуру в своей внешней политике. А это неизбежно способствует центробежным тенденциям в регионе и нарушает интеграционные связи, которые Россия последовательно выстраивала на протяжение длительного периода. Данный процесс может ослаблять и взаимные обязательства в рамках региональных интеграци-

онных структур, вынуждать стороны более осторожно относиться к будущим совместным проектам, которые могут негативно повлиять на связи с экономическими и политическими партнерами за пределами традиционного евразийского пространства.

Советник директора ИНИОН РАН, к.и.н. Т.Г. Пархалина посвятила свое выступление теме «Возможные сценарии формирования нового мирового порядка и роль НАТО».

Было отмечено, что все предыдущие мировые порядки (Вестфальский, Версальский, Ялтинско-Потсдамский) явились результатом мировых войн. Скорее всего следующий «новый мировой порядок» станет результатом серии региональных конфликтов высокой интенсивности, которые уже идут (Восточная Европа, Ближний Восток, Южный Кавказ, который только что завершился) или могут вспыхнуть в ближайшее время (Южно-Китайское море, Латинская Америка, Африка). При этом уже обозначились коалиции держав – это при всех сложностях в трансатлантических отношениях США и Европа, Япония, Израиль, Южная Корея, Австралия, с одной стороны, и такие страны, как Россия, Китай, КНДР, Иран (хотя в данный момент его будущее неизвестно) – с другой.

Так называемый Глобальный Юг будет мигрировать между двумя коалициями в зависимости от успехов или провалов каждой из них, не желая занимать четкую позицию, поскольку понимает, что новая конфронтация не является столь же ригидной, как это было во времена противостояния США – СССР.

Автор считает, что в данный момент можно предположить три сценария формирования нового мирового порядка: либо новая биполярность (США – КНР), либо полицентричность (т. е. наличие таких центров силы, как Россия, Турция, Индия, Евросоюз, Латинская Америка и, возможно, ряд других). В случае если торговые войны, объявленные Трампом всему миру, перерастут в «холодную войну» между США и КНР, то есть в системное противостояние, тогда и можно будет говорить о новой биполярности. Пока Китай проявляет твердость в противостоянии Вашингтону – после «звонкой оплеухи», которую Трамп получил от Пекина, он предложил переговоры, которые и начались в Женеве.

Второй возможный сценарий – это концерт трех держав: США – РФ – КНР, который может быть возможен при двух условиях: если на это согласится Вашингтон (а он при Трампе, судя по всему, на это согласен) и если на это согласится Пекин, а вот на это, несмотря на видимость укрепления стратегического взаимодействия между Москвой и Пекином, китайское руководство не готово. Важно отметить, что во всех программных документах КПК говорится о новой «биполярности», а не о многополярности. Да, Вашингтону не удался маневр «Киссинджер наоборот» – по отрыву РФ от Китая, однако Китай не заинте-

ресован в том, чтобы делить с Москвой лавры «новой Ялты» – то есть раздел сфер влияния в Центральной Азии и Европе, он явно предпочитает разыгрывать «российскую карту» в своей главной игре с Вашингтоном, особенно с учетом ослабления влияния США как на мировой сцене в целом, так и в Европе в частности. Титанические усилия Трампа по ослаблению американского «глубинного государства», по снижению значения НАТО, его нерешительность в решении региональных конфликтов облегчают задачу Пекина, вплоть до того, что вопрос Тайваня уже не является ключевым в американо-китайских отношениях.

Третий возможный сценарий связан с так называемой многополярностью, которая предполагает, что различные центры (а не полюсы) силы имеют привилегированное влияние в определенных регионах, которое якобы не затрагивает интересы друг друга, а на самом деле эти интересы неизменно будут сталкиваться, что приведет к известной хаотизации.

Какой же при всех трех сценариях видится роль организации, которая до недавнего времени играла существенную роль в мировой политике и которая, как считают в России и ряде стран мира, спровоцировала серьезный конфликт в Восточной Европе (на Украине) – а именно организации Североатлантического договора (НАТО)? Вне зависимости от того, какая администрация – республиканская или демократическая – была бы в Белом доме, отношение Вашингтона к НАТО изменилось бы, поскольку фокус внимания любой американской администрации смещался бы с Европы на регион АТР. Именно поэтому были созданы такие военно-политические союзы, как AUKUS, QUAD, JARUKUS. Но многое зависит от степени этого смещения. Когда на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г. выступивший там вице-президент США Дж.Ди. Вэнс даже не упомянул НАТО, стало очевидным, что администрация 47-го президента США будет минимизировать как финансирование организации Североатлантического договора, так и участие США в совместных учениях и иных действиях. Юридически США не выйдут из НАТО, и хотят оставить ее в качестве «спящей организации» на всякий случай, но фактически будут уклоняться от предоставления европейским союзникам «зонтика безопасности», как это было на протяжении более семи десятков лет после создания этой институции в 1949 г. Таким образом, сбылся «ночной кошмар» европейцев, когда они с ужасом думали, что однажды американская администрация может отказаться от поддержки Европы. Такой момент настал. НАТО в том виде, в каком она существовала с 1949 по 2025 г., больше нет: подорвана трансатлантическая солидарность, основанная на взаимном доверии – то есть то, что называлось Transatlantic Link.

Европейцы сначала не могли в это поверить, но «электрошок» был такой силы, что очень скоро они осознали, что необходимо «европеизировать» НАТО, превращать ее в структуру, которая все более будет полагаться на «ев-

ропейские силы сдерживания». Именно тогда президент Франции Макрон предложил свой «ядерный зонтик» не только Польше, но и Германии. Европейские участники очень быстро согласились на увеличение вклада в общий фонд НАТО до 5% их ВВП, а страны Евросоюза приняли программу «перевооружения Европы» (Rearm Europe).

Можно утверждать, что начинается новый этап в развитии НАТО, причем он будет реализовываться при любом сценарии формирования мирового порядка – по всей видимости, НАТО постепенно трансформируется из организации евроатлантической обороны с решающим участием США в организацию европейской обороны с некоторым участием трансатлантического союзника. Нынешний министр обороны США П. Хегсет уже заявил, что самые крупные натовские учения Defender Europe в 2025 г. будут последними, в которых США примут участие. С учетом новой роли Германии в сфере безопасности, когда страна даже внесла изменения в свою конституцию для увеличения расходов на оборону, с учетом, что Великобритания все более сближается с Объединенной Европой (после Брекзита) в том числе в сфере безопасности, принимая во внимание, что ядерный потенциал Франции абсолютно независим от США, а также того фактора, что эта страна обладает полным циклом производства вооружений (еще только Швеция), у НАТО есть шанс сохраниться, изменив свою трансатлантическую сущность на европейскую. Позиция «большой европейской тройки» будет решающей в этом процессе. Но помимо этого не следует забывать, насколько укрепился северный фланг НАТО после интеграции в альянс Финляндии и Швеции – стран, которые являются не реципиентами, а донорами безопасности.

Доцент Уральского федерального университета д.п.н. Е.Б. Михайленко выступила с докладом «Европейский мультилатерализм в рамках ядерного порядка». Она подчеркнула, что мультилатерализм или многосторонность становится одной из важных форм взаимодействия разного рода участников мировой политики. Р. Кеохейн определяет многосторонность как практику координации национальной политики в группах из трех или более государств, посредством специальных договоренностей или с помощью институтов [Keohane, 1990]. В широком смысле многосторонность может пониматься как участие не только государств, но и негосударственных акторов. В международных институтах складывается «региональная многосторонность» благодаря участию региональных организаций в противовес «ортодоксальной многосторонности» [Hettne, Söderbaum, 2010], в центре которой находится ООН, где основными единицами являются национальные государства. В институтах ООН, на конференциях Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) участвуют разные группы и коалиции [Panke 2017; Laatikainen 2017; Mukhatzhanova, Potter 2015], тем не менее сегодня мы можем наблюдать совершенно новые формы и практики взаимодействия. Целью данного доклада является определить особенности многосторонности

Европейского союза (ЕС) в рамках работы Конференций ДНЯО по рассмотрению действия договора.

Согласованная политика ЕС в области ядерного нераспространения складывается к 1981 г., когда государства – члены Европейских сообществ создали в Совете рабочую группу по нераспространению для координации своей национальной политики в этой области. В 1990-х годах, после подписания Маастрихтского договора, нераспространение стало приоритетным направлением новой общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). Координация действий стран – членов ЕС на таких международных форумах, как МАГАТЭ или конференции по рассмотрению действия ДНЯО, усилилась, что можно было наблюдать, в частности на Обзорной конференции ДНЯО 1995 г.

Переломным моментом для политики ЕС в области нераспространения стало вторжение в Ирак в 2003 г. Страны – члены ЕС были глубоко разделены по поводу вторжения и в целом по поводу использования силы в борьбе с распространением ОМУ. Кризис заставил страны – члены ЕС укрепить их общий подход к нераспространению [Onderco, Portela, 2022]. В результате нераспространению была отведена заметная роль в Европейской стратегии безопасности 2003 г. и, что особенно важно, специальная Стратегия против распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), которая была принята одновременно со Стратегией безопасности.

Стратегия против распространения ОМУ содержит основные направления деятельности в области нераспространения Европейской стратегии безопасности. По сути, она состоит из трех частей. Первая определяет, насколько распространение ОМУ представляет собой угрозу или риск, с особым акцентом на использование ОМУ государственными или негосударственными субъектами; вторая часть описывает три способа противодействия этим угрозам и рискам: укрепление многосторонних институтов нераспространения, создание стабильной международной и региональной обстановки и сотрудничество с другими странами и организациями [Арбатова 2003]. До 2022 г. ЕС выпускал ежегодные отчеты по внедрению своей политики против распространения оружия массового поражения 2003 г., которая выступает частью ОВПБ. В 2023 г. было выпущено приложение к этим отчетам.

В Европейской внешнеполитической службе в рамках «Политики Безопасности и Обороны» существует Департамент по разоружению, нераспространению и контролю за вооружениями». Его глава – Стефан Клеменц. В 2024 г. в феврале он также занял должность спецпосланника ЕС по разоружению, нераспространению и контролю над вооружениями. Основные задачи – подготовка внешнеполитических инициатив, реализация решений Совета ЕС по разоружению и контролю за экспортом, ведение переговоров на форумах (ООН, МАГАТЭ, конференциях ДНЯО и др.), а также координация с национальными внешнеполитическими ведомствами.

В целом ЕС стал значимым актором в области ядерного нераспространения. Он был ключевым игроком на международных переговорах с Ираном, оказывает последовательную поддержку различным международным институтам по нераспространению, а также поддерживает систему экспортного контроля.

Страны – участницы ДНЯО представляют собой сложную конфигурацию акторов с разным историческим опытом, уровнем консолидации и ви́дением своей миссии в рамках режима ядерного нераспространения. Можно определить следующие категории государств по ролевой идентичности, включающей наличие или отсутствие ядерного оружия: (1) государства – члены ДНЯО, обладающие ядерным оружием; (2) государства, обладающие ядерным оружием вне ДНЯО; (3) государства, имеющие на своей территории тактическое ядерное оружие США, и государства, входящие в «ядерный зонтик» США; (4) государства – участники региональных зон, свободных от ядерного оружия; (5) государства, не обладающие ядерным оружием, в том числе пороговые государства; (6) государства, отказавшиеся от ядерного оружия; (7) государства, на территории которых проходили ядерные испытания; (8) государства, поддерживающие гуманитарную инициативу и ДЗЯО. Все эти государства играют разные роли внутри режима ядерного нераспространения.

Страны ЕС в соответствии с ролевой идентичностью также представляют неоднородный состав, что зачастую приводит к сложностям формирования общей позиции в области ядерного нераспространения. После выхода Великобритании из ЕС Франция остается единственным ядерным государством. Двадцать три государства из нынешних двадцати семи государств – членов ЕС являются государствами – членами НАТО. Бельгия, Германия, Италия и Нидерланды имеют ядерное оружие на своей территории. Все страны НАТО находятся под ядерным «зонтиком» США или являются частью расширенного сдерживания. Только четыре государства ЕС (Австрия, Ирландия, Кипр и Мальта) не имеют членство в НАТО, что дает этим государствам некоторую автономию в принятии решений в области ядерного нераспространения. Кипр и Мальта, до 2004 г. входившие в Движение неприсоединения (ДН), разделяли цель разоружения. Четыре государства ЕС вошли в число 145 стран, поддержавших гуманитарную инициативу в 2022 г. [Joint Humanitarian 2022]. Если говорить о нормативной роли стран ЕС, то Австрия, Ирландия, Кипр, Мальта, Швеция и Финляндия долгое время оставались инициаторами создания «положительных норм»: ядерного разоружения, сокращения ядерных рисков, гармонизации переговорного процесса. Бóльшая часть стран ЕС имеет сдержанную позицию в отношении трактовок статей ДНЯО.

Разные роли внутри режима ДНЯО приводят к участию стран ЕС в разных коалициях и региональных группах. Многосторонность ЕС проявляется в следующих формах: единая позиция стран ЕС (и кандидатов ЕС) на полях конференций ДНЯО; участие стран – членов ЕС в региональных группах (Северные

страны и страны Балтии); совместные заявления ряда стран – участниц ДНЯО и ЕС; участие стран – участниц ЕС в коалициях ДНЯО (Коалиция за новую повестку дня, Гуманитарная инициатива, Стокгольмская инициатива и др.); участие государств ЕС в общих заявлениях, включающих и НПО.

ЕС является одним из важных участников режима ядерного нераспространения и самым активным коллективным актором на полях Конференций ДНЯО. ЕС – интеграционное объединение, которое включает участников, имеющих разные роли в ядерном порядке. Многосторонность ЕС демонстрирует, что как региональный актор ЕС по ряду вопросов, например, запрещение ядерного оружия, гуманитарные последствия применения ядерного оружия, не готов иметь общую позицию. Круг вопросов, представляемых ЕС, является консенсусным, однако существует отказ от включения спорных вопросов. Многосторонность ЕС на полях Конференций ДНЯО демонстрирует попытку стран участвовать в тех обсуждениях, где трудно достичь консенсуса. Очевидно влияние политики США и НАТО на формирование групп в рамках ДНЯО и участия в них стран ЕС.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН, к.ю.н. С.И. Коданева выступила с докладом «Новые институциональные механизмы сотрудничества Великобритании и ЕС». Она отметила, что период нахождения в должности премьер-министра Б. Джонсона можно назвать пиком охлаждения отношений между Британией и ЕС. Хотя сторонам в конечном итоге удалось заключить Соглашение о выходе и Соглашение о торговле и сотрудничестве, которые заложили правовую базу на будущее, но британский премьер-министр отказался обсуждать как составную часть Соглашения о торговле и сотрудничестве, так и вопросы обороны и внешней политики, хотя проект данного раздела был подготовлен еще правительством Т. Мэй.

С приходом на должность премьер-министра Р. Сунака в отношениях между Королевством и ЕС начинается оттепель. Так, было подписано Виндзорское рамочное соглашение, которое смягчило проблему Северной Ирландии. Тем не менее консерваторы довольно жестко придерживались изначальных «красных линий» в европейско-британских отношениях (недопустимость возвращения к единому рынку, таможенному союзу или свободе передвижения).

С победой на выборах 2024 г. лейбористов ситуация начала стремительно меняться. Уже в предвыборном манифесте этой партии был обозначен тренд на сближение с Европой, особенно в вопросах внешней политики и безопасности при сохранении «особых отношений» с Вашингтоном. Кроме того, лейбористы стремятся снять административные барьеры в торговле путем заключения соглашения о санитарных и фитосанитарных стандартах и взаимном признании квалификации. Евросоюз в свою очередь соглашался обсуждать эти вопросы только при условии, что Великобритания обеспечит «динамическое согласование», т. е. постоянное приведение своего законодательства в соответ-

ствие с меняющимися правилами ЕС, а также признает юрисдикцию Европейского суда по аналогии с тем, как это закреплено в соглашении с Швейцарией. Кроме того, европейцы требовали продлить свободный доступ к рыбным ресурсам Королевства для своих рыбаков и заключить соглашение о молодежной мобильности, а в лучшем случае – чтобы Британия вернулась в программу ERASMUS+.

Правительство лейбористов продемонстрировало крайне высокую активность в ведении переговоров с европейскими партнерам, начиная с саммита Европейского политического сообщества, который Британия принимала через две недели после того, как правительство лейбористов было сформировано, и заканчивая регулярными встречами на уровне министров (за полгода состоялось 70 таких встреч).

В контексте лейбористской «перезагрузки» показательным является изменение отношения в Британии к Европейскому политическому сообществу: если изначально Л. Трасс решила принять участие в работе первого саммита ЕПС только, чтобы «не выглядеть крайне политически маргинализированной», то теперь Британия стремится играть в этом форуме ведущую роль.

Но наиболее значимым на текущий момент событием в отношениях Британии и ЕС стал саммит двух сторон, состоявшийся 19 мая 2025 г. По итогам саммита было опубликовано три документа: 1) совместное заявление лидеров (EU-UK Leaders Summit 2025 – Joint Statement); 2) обновленная повестка дня сотрудничества Европейского союза и Соединенного Королевства. Общее понимание (A renewed agenda for European Union – United Kingdom cooperation Common Understanding); 3) партнерство в области безопасности и обороны (Security and Defence Partnership between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland).

В совместном заявлении стороны подчеркнули свое намерение строить новое стратегическое партнерство, основанное на общих ценностях и интересах, в том числе на международной арене, а также приверженности ранее заключенным соглашениям и их полной реализации. Партнерство должно быть основано на общих принципах. Признается важность трансатлантического сотрудничества в решении глобальных проблем, содействии экономическому росту и обеспечении мира и безопасности. Отдельное внимание уделено подписанному сторонами Партнерству в области безопасности и обороны с подчеркнутым акцентом на то, что НАТО остается «краеугольным камнем в обеспечении коллективной обороны», целью же британо-европейского партнерства является усиление вклада ЕС в НАТО.

Институциональными формами стратегического партнерства должны стать ежегодные саммиты и регулярные (раз в полгода) встречи министров иностранных дел и обороны Великобритании и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

Обновленная повестка дня сотрудничества определяет «области, в которых можно укрепить двустороннее сотрудничество» Великобритании и ЕС. Начинается Повестка с декларации о достижении политических соглашений, которые обеспечивают полный взаимный доступ к водным ресурсам для рыболовства до 30 июня 2038 г. и расширяют сотрудничество в сфере энергетики на постоянной основе. Второй раздел посвящен сотрудничеству в области безопасности, обороны и развития, которое помимо совместных проектов в области военной промышленности, мобильности и космоса включает миростроительство и урегулирование кризисов; вопросы кибернетической безопасности; противодействие гибридным угрозам и обеспечение устойчивости критически важной инфраструктуры. Далее следует перечень тех областей, где планируется развивать сотрудничество. Так, в вопросах молодежной мобильности зафиксировано обязательство разработать сбалансированную программу. Кроме того, Королевство и Европейская комиссия «должны работать» над присоединением первого к программе Erasmus+. Что касается санитарного и фитосанитарного соглашений, а также объединения систем торговли выбросами, то сторонам «следует работать» над этими вопросами, опираясь на согласованные в этом документе условия о «динамическом согласовании» правовой базы Королевства с законодательством ЕС, признанием юрисдикции Суда ЕС, внесением Британией финансового взноса на обеспечение работы соответствующих европейских органов. В обмен Королевству будет позволено участвовать в процессе принятия решений по правовым актам ЕС в этих областях на этапе их разработки и «вносить соответствующий вклад». Иными словами, речь идет о том, что органы ЕС должны консультироваться со своими британскими коллегами, но решения в конечном итоге будут приниматься без участия Королевства.

Партнерство в области безопасности и обороны является чисто декларативным документом, в котором заявлено, что безопасность и процветание Великобритании и ЕС тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому стороны несут за них общую ответственность, выходящую за рамки традиционных областей, но включают противостояние киберугрозам, гибридным угрозам, совместное освоение космоса и защиту критической инфраструктуры. НАТО остается основой коллективной европейской обороны, а Партнерство призвано укрепить общий вклад в Альянс. При этом основными механизмами будут диалоги и консультации, способствующие обмену информацией. Стороны также могут приглашать друг друга для участия в военных учениях или иных мероприятиях. Запланированы регулярные (раз в шесть месяцев) встречи на уровне министров. Планируется регулярно обмениваться мнениями по вопросам региональной безопасности, причем не только в Европе, но и в таких регионах, как Арктика, Ближний Восток, Африка и Индо-Тихоокеанский регион. Планируется изучать возможности сотрудничества в мирном посредничестве,

предотвращении, стабилизации и урегулировании конфликтов, а также в кризисном управлении в географических областях, представляющих взаимный интерес. Планируется усилить координацию в отношении согласований позиций на международных площадках, таких как ООН. Примечательно, что в тексте отсутствует пункт, предусматривающий роль Великобритании в развивающейся Оборонно-промышленной стратегии ЕС. Это обстоятельство крайне важно для Британии, поскольку открывает для ее компаний доступ к новому оборонному фонду ЕС.

В своем выступлении ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН д.п.н. Ф.О. Трунов обратил внимание на тот факт, что при рассмотрении стратегий и тактик европейских государств – членов НАТО исследователи традиционно наибольшее внимание уделяли действиям на обширных сухопутных (континентальных) пространствах. При этом планы и шаги, предпринимаемые в океанах и на прибрежных территориях, освещались пока слабее. Сегодня этот пробел ликвидируется прежде всего для Тихого океана. Здесь важнейшим сюжетом является изучение подходов к конфронтации США – КНР стран Европы в целом [Сидоров 2024; Трунов 2024], Великобритании [Васильев 2024; Годованюк 2024], Франции [Чернега 2024; Чихачев 2024], Германии [Арзаманова 2024; Белов 2024; Трунов 2024а]. Особый интерес проявляется к изучению линии Европейского союза как объединения [Белинский, Надточей 2024; Коровникова 2024]. Заметно меньшее внимание в этой связи уделяется пока политике стран – участниц ЕС, а также Евросоюза и НАТО как институтов в Арктике.

Острой теме развития российско-американских отношений после прихода в Белый Дом Д. Трампа посвятил свой доклад старший научный сотрудник ИНИОН РАН, к.и.н. Ю.И. Надточей. Об актуальности уже говорит сама тема: «США и Россия: новая разрядка или кондоминиум без обязательств?». Докладчик отметил, что после длительного периода взаимной конфронтации, сопровождавшейся демонтажем бóльшей части договорно-институционального механизма двусторонних отношений, Москва и Вашингтон вступили в новый этап осторожной нормализации. Она не опирается на классические механизмы дипломатии времен холодной войны – ни на устойчивую договорную базу, ни на регулярные треки межведомственного взаимодействия, ни тем более на обоюдную приверженность долгосрочным обязательствам. Вместо этого формируется особый формат взаимодействия, условно обозначаемый в экспертной литературе как *«теневой кондоминиум» – модель международных отношений, при которой великие державы избегают прямого столкновения, признавая друг за другом определенные зоны ответственности и сдерживая эскалацию конфликта посредством ограниченного взаимодействия*[2]. Такой подход по-

2. *Этот концепт был введен в научный оборот К. Белл. См.: [Bell 1964, p. 111].*

зволяет временно снять накал борьбы и ограничить вероятность скатывания к открытому вооруженному противостоянию, но без полного прекращения конфронтации.

Историческая ретроспектива российско-американских (а до этого советско-американских) контактов демонстрирует чередование кратких фаз разрядки и затяжных периодов недоверия и вражды между двумя странами. Эскалация напряженности в их отношениях после 2024 г. окончательно обнажила глубину взаимных претензий и несовпадения мировоззренческих установок сторон. Попытки выработки нового компромисса на этом фоне были лишь вопросом времени.

С началом второй каденции президенства Д. Трампа Москва и Вашингтон приступили к поиску формулы контактов, основанной не только на близости интересов, но и на некотором сходстве по части ценностей. Ориентация трампистов на палеоконсервативный лозунг «Америка прежде всего», который предполагает сокращение глобальных обязательств США, скепсис по отношению к НАТО, упор на двусторонние сделки и приоритет внутренней экономической повестки был воспринят в Кремле с осторожным энтузиазмом. В Москве в целом позитивно оценили американский вариант «почвенничества» как во внутренней жизни, так и особенно в области внешней политики, приветствовали декларативный отказ новых американских властей от универсалистского либерального подхода к международной политике и их стремление к восстановлению элементов баланса сил как основы миропорядка [Новик, Ройс, Амурская 2025].

В практическом же плане Россия и США перешли к ситуативным и фрагментарным контактам, опирающимся преимущественно на личные договоренности глав государств и обмен контактами на уровне спецпредставителей. Это произошло в силу планомерной девальвации традиционных дипломатических каналов, что сопровождалось взаимными высылками дипломатов и закрытием консульств. Достигнув символичного дна, российско-американские отношения вышли на необходимость персонализации дальнейших контактов. Личные отношения президентов стали если не определяющим фактором дипломатии, то по крайней мере ее нормой: «ручной режим» принятия решений замещает многосторонние форматы и многоступенчатую процедуру согласования политических решений. Он также позволяет отчасти нивелировать влияние фактора истеблишмента при их принятии, вынести за скобки болезненные для «ястребов» темы, сосредоточившись на наиболее перспективных и, возможно, потенциально достижимых задачах двустороннего сотрудничества.

В то же время такая конструкция оказывается и крайне чувствительной к внутриполитическим изменениям. *Первая причина, способная помешать новой российско-американской разрядке,* кроется в недостаточном учете групповых интересов элит. В обозримом будущем она может резко прекратиться при смене американской правящей администрации, при усилении внутриполитической

фронды действующей власти президента Д. Трампа со стороны его противников, а также в случае дальнейшей радикализации общественного мнения.

*Вторая группа препятствий*, лежащих на пути восстановления отношений двух стран, заключается в объективно сохраняющейся асимметрии их возможностей. США по-прежнему доминируют в сфере высоких технологий, контролируют глобальные финансовые потоки и обладают возможностью проецирования силы в любой точке мира. Россия, напротив, сохраняет конкурентоспособность лишь в ограниченных секторах – прежде всего в военной сфере, энергетике и отдельных направлениях научно-технического прогресса (например, космос). При этом она сталкивается с устойчивыми демографическими, институциональными и технологическими вызовами, затрудняющими модернизацию. Экономика под давлением санкционного режима оказалась в значительной мере отрезана от глобальных рынков капитала и технологий, что существенно ограничивает возможности для самопозиционирования РФ как значимого экономического партнера для США. Экономические связи между двумя странами в текущий момент практически сведены к минимуму. По итогам 2024 г. их товарооборот составил не более 3,5 млрд долл. из которых значительная доля приходится на минеральные ресурсы, уран, химикаты и цветные металлы. Для сравнения: товарооборот США и Китая за тот же год достиг отметки 582 млрд долл. [The People's Republic of China 2024; Russia trade summary 2024]. Прямые американские инвестиции в российскую экономику даже в лучшие годы не превышали планку в 14 млрд долл., тогда как американские вложения в Китай на сегодня составляют более 126 млрд[3]. Эти цифры подчеркивают, что экономическая база для восстановления диалога в значительной мере отсутствует, а любые перспективные двусторонние проекты неизбежно столкнутся с комплаенс-ограничениями и отсутствием правовой защищенности. Определенные возможности для взаимодействия сохраняются в высокотехнологичных нишах – таких как исследование Арктики, космическое сотрудничество, мирный атом и редкоземельные металлы. Однако реализация этих проектов требует, как минимум, временного смягчения санкционного режима и разработки механизмов защиты прав собственности, что в текущих условиях выглядит маловероятным.

*Третьим важным ограничением* выступает нарастающее влияние внешних игроков, прежде всего ЕС и КНР. При этом сближение РФ с КНР продолжает углубляться, что автоматически снижает для США мотивацию к стратегическому сближению с Россией, а в перспективе способно привести к договоренностям между Вашингтоном и Пекином о нормализации отношений за спиной Москвы.

Сложнее обстоят дела с Европейским союзом, которому потенциальная нормализация российско-американских связей сулит дальнейшую неопреде-

*3. В 2023 г. объем ПИИ США в РФ составил 7,7 млрд долл. [U.S. Bureau; U.S. Bureau (a)].*

ленность. Старый Свет оказывается в более уязвимом положении, особенно в условиях нарастающего американского изоляционизма. Многие союзники США по НАТО теряют уверенность в надежности американских обязательств. Тем не менее нормативный потенциал «коллективного Брюсселя», в том числе в экономической, правовой и гуманитарной сферах, продолжает играть важную роль в мировой экономике и политике, не позволяя окончательно вытеснить европейский фактор за скобки большого геополитического уравнения, которые пытаются решать в Кремле и Белом доме.

Таким образом, «теневой кондоминиум» – это не замена устойчивой модели партнерства, а временный механизм управляемого соперничества, ограниченный по охвату, но функциональный в условиях ослабления международных институтов. Он позволяет избежать эскалации, сохранить рабочие каналы связи и осуществлять точечную координацию, но не устраняет глубинные противоречия и не решает системные проблемы двусторонней повестки. Даже при наиболее благоприятном сценарии нормализация отношений между США и РФ вряд ли способна выйти за пределы трех негласных табу: взаимное невмешательство во внутренние дела, недопущение прямого военного столкновения и выведение вопросов прав человека за пределы официального диалога. Эти правила негласны, не закреплены в документах и могут быть нарушены в любой момент. Их устойчивость зависит от степени самоограничения сторон и готовности элит управлять кризисами. Однако без институционального подкрепления и широкой международной поддержки вероятная российско-американская разрядка в лучшем случае останется тактической передышкой, а не основой новой модели глобальной стабильности.

Вторая сессия была посвящена проблематике «Политические системы и общества в условиях формирования нового мирового порядка», в ходе ее анализировались те процессы, которые происходят в отдельных странах Европы в результате усиления правой и левой волн, изменяющих политические системы и общества стран – участниц ЕС.

«Политические системы и внешняя политика стран старой Восточной Европы» – так обозначил тему своего выступления зав. сектором Восточной Европы ИНИОН РАН, д.и.н. С.А. Романенко. Он подчеркнул, что все государства, входившие до 1991 г. в регион Восточной Европы, охватывавший Польшу, Чехословакию (с 1992–1993 – Чехия и Словакия), Венгрию, Румынию и Болгарию после свободных многопартийных выборов, смены власти и принятия новых конституций, стали парламентскими республиками. К ним присоединились постъюгославские государства – Словения, Хорватия, Сербия, Черногория, (Северная) Македония и Албания. Все эти постсоциалистические страны в современных условиях следует отнести к региону «старой» Восточной Европы или Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Дискуссия относительно включения в эти поня-

тия тех или иных государств, критериев и границ этого региона (или двух регионов) ведется на страницах научной периодической печати, сборников и монографий[4].

На проходящих, начиная с 2022 г., во всех странах старой Восточной Европы (ЦВиЮВЕ) парламентских и президентских выборах ключевыми являются три проблемы: 1) отношения традиционных идеологических политических партий или их коалиций и различных форм политической организации, используемых правыми и левыми популистами [Романенко 2024]; 2) рост влияния на волеизъявления избирателей внешнеполитических проблем – отношение к Европейскому союзу в целом – еврооптимисты и евроскептики, его внешнеэкономической, внешней и оборонной политике и политике безопасности, а также колебания между ЕС и Россией [Романенко 2025]. 3) роль личности в истории и политике – значение индивидуальных качеств политиков, пришедших на пост премьер-министра (лидера парламентского большинства) или президента.

На примере нескольких стран региона можно сделать вывод, что именно характер и способности политических лидеров, занявших ведущие государственные должности, в целом ряде стран привели к изменению политических режимов и политических систем при формальном сохранении конституционных основ существующего строя [Романенко 2023]. В одних странах премьер-министр и президент представляют одну и ту же правящую партию или коалицию (Венгрия, Словакия, Сербия, Румыния), в других – соперничающие (Хорватия, Польша) политические силы. Впрочем, в результате предстоящих в 2025–2027 гг. в ряде стран выборов картина может измениться.

В последнее время политические аналитики и журналисты характеризуют тех или иных политиков, участвующих в президентских выборах (пример – Румыния и Польша), как сторонников президента США Д. Трампа («трампистов») в области внешней политики или его противников. Однако возникает вопрос: что собой представляет «трампизм»? Является ли он продуманной системой принципов и взглядов, или же комплексом эмоций, настроений, сиюминутных оценок. Этот же вопрос можно отнести и к политическим партиям и движениям популистского толка в Европе в целом. В этом отношении «старая» Восточная Европа или ЦВиЮВЕ мало отличается от Европы Западной.

Кроме того, следует принять во внимание соотношение и взаимосвязь социально-политической (консерваторы, либералы, социал-демократы и др.) идеологии, национально-политической (национал-консерватизм, национал-либерализм, национал-радикализмы и др.) и различных вариантов концепций теоретических школ в международных исследованиях – реализм и неореа-

*4. Напр., см.: [Романенко 2021; Пархалина, Романенко 2022; Князева 2022].*

лизм, либерализм и неолиберализм, неомарксизм, постмодернизм. Как они коррелируются между собой и с современной международной ситуацией в условиях кризиса и/или распада Ялтинско-Потсдамской системы и поисков новой системы международных отношений.

Главный научный сотрудник ИНИОН РАН, зав. отделом глобальных проблем д.п.н. Н.Ю. Лапина посвятила свой доклад проблемам лидерства в современной Европе и политическим перспективам, которые открываются перед президентом Франции Э. Макроном. Докладчик отметила, что на протяжении последних десятилетий Франция неуклонно утрачивала позиции на международной арене. Развалилась зона влияния Франции в Африке – Франсафрик. В 2023 г. французские войска были вынуждены уйти из зоны Сахеля (2023). Очень тяжело в последние годы складываются отношения Франции с Алжиром. Конфликт обострился в связи с арестом франко-алжирского писателя Б. Сансаля осенью 2024 г. Кроме этого Алжир отказывается принимать осужденных во Франции соотечественников с двойным гражданством. Аналитики не исключают, что конфликт может перерасти в серьезное столкновение. С 2018 г. Франция предпринимала попытки создать военно-политический союз стран Тихоокеанского региона, где в ее заморских территориях проживает 1 млн человек. Возникновение под эгидой США военно-политического союза AUKUS (2021) стало для французского руководства шоком, не говоря о разрыве контракта с Австралией на поставку 12 подводных лодок. «Это был удар в спину», – скажет министр иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан [Чернега 2024]. Отношения между Францией и Китаем также характеризуются определенной сложностью. Помимо этого Франция испытывает трудности в продвижении своих кандидатов. Осенью 2024 г. возник конфликт, когда председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен отклонила предложенную Э. Макроном кандидатуру Т. Бретона на пост еврокомиссара от Франции. Пришлось в срочном порядке искать ему замену.

Историк Э. Тодд, автор книги «Поражение Запада», выражает пессимистичный взгляд на будущее Франции в мире. По его мнению, Европа более не является самостоятельным геополитическим игроком на мировой арене, а европейские государства во многом утратили свой суверенитет [Тодд 2024, с. 17, 24]. В схожей логике рассуждает американский экономист Дж. Сакс. В своем нашумевшем выступлении в Европарламенте он отмечал, что, начиная с 1991 г., Европа следовала «в фарватере» американской внешней политики и у нее не было своего взгляда на международные дела. Последний раз она «имела право голоса» в 2003 г., когда Франция и ФРГ не поддержали начатую американцами войну в Ираке [Сакс 2025].

Невзирая на негативные тенденции, Э. Макрон с самого начала своего президентства заявляет о стремлении Франции быть европейским лидером. Французский президент – убежденный европеист. Придя к власти, он сфор-

мулировал свое видение суверенитета Франции, понимая его через призму суверенитета Европейского союза, в котором, по его представлениям, Франция вместе с Германией призваны играть ведущую роль. Французский президент сформулировал и отстаивает принцип «стратегической автономии» ЕС.

Европейский союз, как он считает, должен стать мировым «центром силы». Свою приверженность этой идее Э. Макрон высказывал неоднократно. В очередной раз эти идеи прозвучали в выступлении в Сорбонне (Сорбонна-2, 25 апреля 2024 г.). В нем глава государства сформулировал ряд задач на ближайшие годы, среди них: (1) сделать Европу более стратегически независимой; (2) усилить оборону, совместно силами европейских стран наладив производство вооружений, которые заменят оружие американского производства; (3) выстраивать дипломатические отношения с третьими государствами, тем самым демонстрируя, что Европа не является «вассалом Соединенных Штатов»; (4) превратить Европу в «зону процветания» [Macron 2024].

Когда чуть более года назад Макрон произносил речь в Сорбонне, его выступление не вызвало большого интереса у французской общественности. Опрос показал, что французов оно не заинтересовало: лишь 32% граждан слушали президента и лишь половина из тех, кто слушал (49%), нашла его «убедительным» [Rupnik 2025]. Год спустя ситуация радикально поменялась. Выделю три фактора, которые сыграли в этом решающую роль.

Во-первых, избрание в ноябре 2024 г. в США в ходе президентских выборов Д. Трампа стало геостратегическим потрясением для Франции. Возвращение республиканца во власть радикально меняет отношения между США и европейскими союзниками; по-новому ставится вопрос о трансатлантическом партнерстве; во внешнеторговой сфере Трамп объявил о тарифах на всю импортную продукцию, включаю товары и услуги, импортируемые США из стран Европы. А главное, он отчетливо дал понять, что США больше не будут обеспечивать европейцам гарантию безопасности и что они сами должны будут об этом заботиться (требование повышения военных расходов до 5% ВВП). До сих пор в Европе, полагает французский политолог Ж. Рупник, особенно в ее восточной части, в отношении идеи «стратегической автономии», которую отстаивает Франция, существовали опасения. Многие европейцы опасались, что она направлена на подрыв трансатлантического партнерства. Сегодня недоверие исчезает, а «европейская оборона становится императивом» [Jacques Rupnik 2025].

Во-вторых, большое влияние на настроения французской общественности оказывает военный конфликт на востоке Европы. В новой геостратегической ситуации со всей остротой встал вопрос о гарантиях безопасности для европейских стран, а французский президент стал рассматриваться в качестве одного из ведущих защитников интересов Украины. Однако такая позиция сформировалась не сразу. В первые месяцы после начала конфликта Макрон неоднократно повторял, что «унижать Россию не следует», чтобы «в тот день,

когда боевые действия прекратятся, мы смогли бы найти дипломатический выход» [Ne pas, 2022]. Однако по мере затягивания боевых действий французский президент поменял свою позицию. Франция приступила к поставкам Украине тяжелых вооружений, а к осени 2022 г. начала передавать артиллеристские системы [Тимофеев, Хорольская 2024]. Забыв о том, что говорил недавно о невозможности унижать Россию, Макрон теперь заявлял о «недопустимости» ее победы и необходимости нанести ей поражение. В феврале 2024 г. между Францией и Украиной был подписан договор о сотрудничестве по вопросам безопасности. В документе подчеркивалось, что «безопасность Украины является неотъемлемой частью евроатлантической безопасности и безопасности во всем мире»[5]. На международной встрече в Париже (26 февраля 2024 г.) президент «оглушил» союзников заявлением о возможной отправке на Украину французских войск. В большом телеинтервью (14 марта 2024 г.) Макрон говорил, что Европа «находится на грани войны», а военные действия на Украине представляют «экзистенциальную угрозу» для Франции, так как Россия в случае победы якобы не ограничится Украиной и может начать военные действия против других стран Европы [L'interview du Président Emmanuel Macron 2024].

Отныне Э. Макрон выдвигает радикальные тезисы, которые сближают Францию с историческими оппонентами Москвы – Польшей, странами Северной Европы и Балтии. Начатый им «поход» против России должен продемонстрировать всему миру лидерство Франции, ее решимость защищать интересы Украины и Европы.

В-третьих, на выборах в Европарламент пропрезидентский блок «Вместе» собрал 14,6% голосов избирателей [Лапина 2025, с. 200]. Состоявшиеся летом 2024 г. парламентские выборы не принесли президентской партии и ее союзникам удачи: политический центр лишился относительного парламентского большинства. «Позиция президента, – считает французский политолог Д. Бурмо, – подчиняется в большей степени внутренним, чем внешним мотивам. Ему необходимо драматизировать ситуацию. При отсутствии парламентского большинства у него не остается никакого влияния на внутреннюю политику»[6].

Ситуация начала меняться по мере того, как США заявили о том, что не готовы выполнять роль гаранта безопасности в Европе, что Украине не стоит рассчитывать на помощь Америки и что вопросами обеспечения безопасности и восстановления Украины после окончания конфликта долж-

*5. В Национальном собрании против подписания договора выступила леворадикальная «Непокоренная Франция», а «Национальное объединение» М. Ле Пен при голосовании воздержалось.*

*6. Высказывание Д. Бурмо содержится в личном архиве автора доклада.*

ны будут заниматься европейцы. При новом раскладе внешнеполитических сил Макрону удалось укрепить свои позиции и выступить в качестве европейского лидера. После Мюнхенской конференции (февраль 2025), в ходе которой выявились глубокие противоречия между европейскими лидерами и представителями американской администрации, Э. Макрон объявил о проведении в Париже неофициального саммита, на который были приглашены руководители ведущих стран – членов ЕС, премьер-министр Великобритании, руководители ЕС. После него прошел еще один саммит в расширенном формате. Вопросы европейской обороны волнуют Макрона давно [Чернега 2020]. Парижские инициативы отчетливо продемонстрировали, что французский президент стремится сплотить европейские страны, включая государства, не входящие в ЕС. За этими встречами последовали другие, в ходе которых была создана так называемая коалиция желающих, наряду с Францией и Великобританией в нее вошли Канада, Новая Зеландия, Австралия. Теперь речь уже шла не только о предоставлении гарантий безопасности Украине, но и о создании нового оборонного союза.

Организуя встречи в Париже, Э. Макрон стремился представить себя в качестве неоспоримого общеевропейского лидера, то, о чем он мечтал с начала своего первого президентства. При этом у него появился союзник-конкурент – премьер-министр Великобритании К. Стармер. Оба политика высказались за создание совместной обороны. Эта инициатива была поддержана ЕС. В середине марта в Брюсселе был анонсирован план перевооружения стоимостью 800 млрд евро, ориентированный на закупку произведенных в Европе вооружений, в чем, несомненно, заинтересована Франция как один из крупнейших европейских производителей вооружений. Появился у Э. Макрона еще один союзник – новый канцлер ФРГ Фр. Мерц, который выступает с идеей укрепления немецкой армии и готов повысить расходы на оборону.

Выдвигая все новые инициативы в области европейской обороны, Э. Макрон проявляет прагматизм и стремится «вписаться» в новую политическую реальность, которая определяется сменой власти в США. Именно поэтому он действует осторожно, чтобы не раздражать американского коллегу. Не случайно французский президент не критиковал заявления Д. Трампа относительно Панамского канала и Гренландии, его претензии на превращение Канады в 51-й штат США.

Французский президент больше всего опасается, что мир может быть «навязан» Украине и достигнут без участия Европы. В новой внешнеполитической ситуации действовать ему становится все сложнее. С одной стороны, он хотел бы сохранить капитал личных отношений с Д. Трампом, и неслучайно в своих выступлениях позитивно оценивает мирные инициативы и шаги, предпринятые американским президентом. С другой стороны, он стремится выра-

ботать «правильную» линию в целях отстаивания интересов Франции/объединенной Европы на внешнеполитической арене.

Как это часто бывает в политике, растущие противоречия между США и Европой открыли новые политические перспективы перед французским президентом. Не имея относительного большинства в нижней палате парламента, президент летом 2024 г. заявил, что больше не будет заниматься внутренней политикой. Действительно, он сконцентрировался на резервированной за ним сфере деятельности – внешней политике. В последние месяцы он стал гиперактивен в этом направлении. «Внешняя политика, – отмечает американский политолог Дж. Томсон, – убежище для президентов, потому что она находится в их непосредственном подчинении, в отличие от экономики. В этой области они могут претендовать на победы» [Ovarez 2025].

В условиях, когда США отказываются от дальнейшего обеспечения гарантий безопасности для Старого Света, Европа начала пробуждаться. Как никогда актуальной стала идея Э. Макрона о «стратегической автономии» Европы, его давние призывы укреплять европейскую обороноспособность. Эти идеи начинают встречать понимание союзников, остается убедить собственных граждан в необходимости увеличения военных расходов. Именно этим сейчас и занят французский президент. В обращении к нации 5 марта он говорил об «угрозе, которую Россия представляет для Франции и Европы». Воинственный нарратив президента в известной степени убеждает французов. В мае 2025 г. опрос показал, что 75% французов считают, что РФ угрожает странам Европы; каждый второй опрошенный опасается начала новой мировой войны (49%); более 70% выступают за расширение сотрудничества европейских стран в области обороны. Правда, сложно предположить, как все будет складываться в реальной жизни, учитывая, что французам предлагается «затянуть пояса». Тем не менее весенний замер общественных настроений показал, что популярность Макрона выросла до 28% – это лучший показатель за прошедший год. «Сложность ситуации, похоже, выгодна президенту республики», – констатируют социологи [Les indices 2025].

В докладе старшего научного сотрудника ИНИОН РАН к.п.н. А.В. Белинского «Выборы в ЕС 2024–2025 и праворадикальные популисты. Национальные особенности, электоральная динамика, последствия» особо подчеркивалось, что прошедшие в июне 2024 г. выборы в Европарламент в очередной раз продемонстрировали устойчивость тренда, наметившегося еще в середине 2010-х. Вопреки надеждам политических элит стран Старого Света праворадикальный популизм оказался не халифом на час, а серьезным вызовом для либеральной демократии. В свою очередь продолжающийся в Европе неуклонный сдвиг электоральных настроений вправо является симптомом комплексных политических, социально-экономических и культурных процессов и кризисных явлений [Белинский 2018].

Основными причинами успеха крайне правых партий на выборах в Европарламент в 2024 стали:

– Миграционный кризис. Хотя в настоящее время ЕС не сталкивается с повторением событий 2015–2016 гг., однако проблема миграции остается одной из актуальных в Европе. А в ряде стран (ФРГ, Австрия) она стала темой номер один во время избирательной кампании. Правопопулисткие и националистические силы активно использовали эту тему, акцентируя внимание сограждан на сложностях интеграции мигрантов, преступности, социальных расходов на их содержании и т. д.

– Социально-экономические проблемы. Украинский кризис, санкции и контрсанкции, сокращение поставок энергоносителей из России в ЕС серьезно ударили по европейской экономике, а вместе с ней и по благосостоянию рядовых граждан. На этом фоне такие партии, как «Национальное объединение» или «Альтернатива для Германии», выступали с резкой критикой экономической политики как национальных правительств, так и в целом ЕС.

– Кризис ЕС. Забюрократизированность, неэффективность и неповоротливость ЕС и его структур уже давно являлись объектом критики как справа, так и слева. В ходе избирательной кампании праворадикальные популисты хотя и не требовали выхода своих государств из состава ЕС, но выступали за пересмотр принципов его работы.

– Кризис политического лидерства. На общие социально-экономические проблемы и вопросы миграции наложился кризис политического лидерства в ведущих странах ЕС. Падение рейтинга президента Франции Э. Макрона, распад «светофорной» коалиции в Германии, неспособность канцлера К. Нехаммера и «Австрийской народной партии» сохранить коалицию наглядно свидетельствуют о кризисе политического лидерства в странах ЕС. На этом фоне лидеры популистских партий и движений (М. Ле Пен, А. Вайдель, С. Вагенкнехт), затрагивающие острые темы и вопросы, выглядят выигрышно на фоне политической элиты.

В результате на выборах летом 2024 г. праворадикальные популисты получили высокий результат. Во Франции победа «Национального объединения» (31,37%) привела к отставке правительства и досрочным выборам в парламент, которые стали непростым испытанием для Э. Макрона. В ФРГ и Австрии успехи «Альтернативы для Германии» (15,9%) и «Австрийской партии свободы» (25,36%) стали первым шагом на пути к краху правящих коалиций.

Успех праворадикальных популистов на выборах в Европарламент получил продолжение на национальном уровне. В первом туре парламентских выборов «Национальное объединение» заняло первое место, однако во втором уступило и «Новому народному фронту», и проправительственной коалиции «Вместе».

Совсем иначе развивались события в Австрии, где «Австрийская партия свободы» уже на протяжении многих месяцев занимала первое место в социологических опросах. «Оправившись от удара, вызванного политическим скандалом (так называемым Ибица-гейтом), который привел к отставке партийных лидеров Х.-К. Штрахе и Й. Гудениуса, АПС при новом председателе Г. Кикле сумела вернуть утраченные позиции. Бывший министр внутренних дел в правительстве С. Курца, искусно используя просчеты правительства и играя на страхах населения, уже в начале 2023 г. сумел добиться хороших результатов для партии на земельных выборах в Нижней Австрии (24,19%, +9,43%), Зальцбурге (25,7%, + 6,9%), Каринтии (24,53%, +1,57%) [Rückblick 2024]. А в конце 2023 г. австрийские крайне правые вышли на первое место в рейтинге политических партий страны» [Белинский 2025, с. 81]. Хотя на сентябрьских выборах АПС и заняла первое место впервые в своей истории, однако не смогла договориться с «Австрийской народной партией» о создании коалиции.

В соседней Германии АдГ на досрочных выборах в бундестаг заняла второе место, оставив позади себя партии бывшей «светофорной» коалиции (СДПГ СвДП, Союз 90/Зеленые). Правда, в отличие от АПС, немецкие правые изначально не имели шансов войти в правительство, которое было в итоге создано ХДС/ХСС и СДПГ.

Таким образом, период 2024–2025 гг. был отмечен значительным усилением позиций праворадикальных партий в Европе. Тот факт, что ни в одной из трех стран крайне правые не смогли прийти к власти, объясняется действием во Франции и ФРГ так называемой пожарной стены – системы, при которой ведущие партии отказываются от сотрудничества с крайне правыми, либо, как это было в Австрии, просчетами самих праворадикальных популистов во время переговоров.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН к.и.н. Т.Г. Биткова определила тему своего доклада «Внешняя политика Румынии как фактор политического размежевания общества». В докладе отмечается, что за последние 35 лет, несмотря на смену президентов и партий, находившихся у власти, евроатлантический вектор внешней политики Румынии был стабильным. Наибольшую роль в политической конфигурации страны всегда играли социал-демократы, с самого начала определившие этот тренд [Биткова 2023].

На вопрос, что изменится в отношении к Европейскому союзу и НАТО, новый президент Никушор Дан, избранный 18 мая этого года, сказал: «Румыния, несомненно, сохранит прозападный курс, что означает участие в НАТО и Европейском союзе» [Nicușor Dan: România 2025]. Дан известен своими либеральными и проевропейскими взглядами. Его оппонент во втором туре президентских выборов правый радикал Джордже Симион, которого в СМИ обычно называли евроскептиком и «промосковским» политиком, в своих (особенно зарубежных) декларациях накануне второго тура, также говорил о полной поддержке евроат-

лантического вектора Румынии. При этом, будучи типичным европейским правым радикалом, он не раз выступал с острой критикой Евросоюза. Для Румынии нет другого пути во внешней политике, кроме продолжения западного направления, заверял Симион. «Мы приняли это решение большинством общества… Этого мы хотели. Этого хотели наши бабушки и дедушки» [Stan 2025]. Симион, конечно, понимал и чувствовал, что проевропейские декларации необходимы ему для привлечения голосов трудовых мигрантов, значение которых всегда важно для избирательных кампаний в Румынии.

В докладе отмечается, что в Румынии существуют и другие подходы к формированию внешней политики. В частности, экономист Кэлин Джорджеску, тот самый, который в первом туре отмененных президентских выборов 24 ноября прошлого года неожиданно получил наибольшее количество голосов, как раз является убежденным антизападником и антиглобалистом. Правда, предвыборная программа этого независимого кандидата не содержала таких идей, ограничиваясь в основном экологическими проблемами. Румынская общественность узнала о его взглядах только после отмены результатов первого тура выборов.

Однако еще задолго до этого Джорджеску утверждал, что страной руководят иностранцы, а не правительство, не президент или иные государственные структуры. С его точки зрения, до тех пор пока активы в промышленности, банки принадлежат иностранцам, пока им принадлежат стратегические рычаги, Румыния лишена суверенитета» (цит. по: [Ronkov 2017]). Джорджеску также является автором нашумевшей в свое время книги «Румыния на краю пропасти», вышедшей в 2016 г. [Georgescu 2016]. В 2022 и 2023 гг. было издано еще два труда схожего содержания. Еще в 2014 г. он писал: «Румыния вошла в ЕС, не потому что мы такие умные, но потому, что Запад был в этом заинтересован. Нас присоединили к ЕС, так как у нас есть сырьевые ресурсы, которых у Евросоюза нет» [Romania afara din UE NATO, 2014]. После отмены выборов Джорджеску стал очень активно выступать в СМИ, заявляя, что его страна является «рабыней Европейского союза» и что НАТО стремится втянуть ее в войну с Россией [Călin Georgescu 2025].

Теперь СМИ активно цитировали Джорджеску. Он стал выступать не только против зависимости страны от западных структур, но высказывался и против размещения натовских баз на территории Румынии. Вообще в случае нападения на Румынию НАТО ей не поможет, заявлял Джорджеску.

Джорджеску отнюдь не одинок в своих взглядах. Сходную позицию выражал и выражает целый ряд комментаторов. К примеру, Дан Тэнэсеску, литератор, эссеист, бывший член Сената писал: «Неолиберальная пропаганда вбила в нашу голову мысль, что единственно возможное решение для развития страны и ее экономики исходит от МВФ, Всемирного банка и других инструментов колонизации со стороны американской империи» [Tănăsescu 2013].

Аналогичные тенденции наблюдаются в левых партиях Румынии. В программе альянса «Социалистическая Румыния», состоящего из трех левых партий, говорится о необходимости прекращения национального разграбления через продажу государственных компаний и предоставление концессий на минеральные и энергетические ресурсы страны иностранцам [Биткова 2025].

В программе Альянса утверждается, что Румыния не должна входить в какие-либо военные блоки. Левые однозначно против как НАТО, так и Евросоюза, демонстрируя бескомпромиссный радикализм. «Наша страна стала колонией с многочисленными хозяевами в лице Соединенных Штатов Америки и западных стран… была интегрирована в ЕС не как равноправный партнер, а как вассальная страна, которую легко грабить, которую рассматривали только как рынок сбыта, источник сырья и людских ресурсов» [România Socialistă 2023]. Румыния, утверждается в этой программе, должна проводить политику нейтралитета. «НАТО защищает не нас, она защищает себя на нашей территории, мы сами должны защищать свою СТРАНУ» [România Socialistă 2023].

Место Румынии в евроатлантическом пространстве, как видим, вызывает критику со стороны некоторых представителей румынского политического сообщества. Антиглобалистские и антиамериканские настроения в интеллектуальной и политической среде соприкасаются с похожими высказываниями в социальных сетях.

Но насколько распространенными и влиятельными являются такие подходы? Они, к сожалению их абсолютных адептов, не поддерживаются подавляющим большинством граждан. Это очень мало востребованный политический тренд. Результаты выборов 2024 г. в местные органы власти, в парламент и Европарламент это отчетливо продемонстрировали [Биткова 2025а]. Социологические опросы последних пяти лет также подтверждают эти настроения, хотя исследования пяти-восьмилетней давности показывали меньшую поддержку евроатлантических структур.

Опросы, проведенные в 2024 г. неправительственной организацией GLOBSEC Trends, подтвердили в целом положительное отношение граждан Румынии к НАТО и Евросоюзу [Szicherle, 2024].

В отличии от левых сил, риторика правых радикалов, ярким представителем которых является Джордже Симион, представляется нам неоднозначной, но антинатовские настроения в ней отсутствует. Как и другие европейские радикалы, они выступают за реформирование Европейского союза и превращение его в «Европу свободных наций и суверенных и независимых государств» [Биткова 2023а].

В итоге евроатлантический путь страны выбрали избиратели и на президентских выборах 18 мая 2025 г., хотя, как видим, в обществе есть и противоположные мнения. Вопрос об искренности и убежденности политиков в этом отношении остается, конечно, за скобками.

Сторонники евроинтеграции в стране считают, что хотя Европейский союз и не идеален, но это лучший вариант из всех существующих на геополитическом рынке, и Румынии повезло, что она является членом этой организации. НАТО же воспринимается как серьезный гарант государственной безопасности.

В выступлении Т.В. Арзамановой, сотрудника отдела Европы и Америки ИНИОН РАН «Германия на пути к роли военно-политического лидера Объединенной Европы: изменение стратегической культуры и идентичности страны» отмечалось, что объявленная федеральным канцлером О. Шольцем 27 февраля 2022 г. «смены эпох» (Zeitenwende – *нем.*) предполагает полную смену внешнеполитических парадигм Германии. В частности, речь идет об отказе от культуры сдержанности, пацифизма и смирения, которые буквально «насаждались» [Арзаманова 2024] западными союзниками в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, постепенно формируя новую ментальность немецкого общества. Иными словами – фактически об отказе от многолетней «ограниченной нормальности» внешней политики и политики безопасности ФРГ. Более того, первая в истории страны Стратегия национальной безопасности (2023) стала отражением общей секьюритизации последних после взрывной эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г. Можно также констатировать смещение акцента на необходимость выработки новой стратегической культуры Федеративной республики и возвращения военной силы в ее властный потенциал. В стратегии многократно подчеркивается готовность ФРГ взять на себя ответственность за ситуацию в Европе и мире, что свидетельствует о растущих претензиях страны на глобальную ответственность в качестве одного из ведущих мировых акторов. 2 августа 2022 г. министр иностранных дел ФРГ А. Бербок сделала заявление о готовности Берлина к реализации концепции «партнерства в лидерстве» с США: речь идет о становлении ЕС в качестве стратегического союза, способного «иметь дело на равных» [Арзаманова 2020] с Соединенными Штатами.

Однако при более глубоком анализе принятых правительством в 2022–2023 гг. доктринальных документов обращает на себя внимание отсутствие четких обязательств, расстановки приоритетов интересов, ценностей, союзов, а также ресурсов для реализации ФРГ поставленных целей в жизнь. Причина такой концептуальной неопределенности видится в том, что многолетний отказ Германии от оперирования категорией «национальные интересы» стоил ей стратегической дееспособности, на смену которой пришла реактивная внешняя политика [Арзаманова 2024]. На протяжении десятилетий идентичность ФРГ, в основе которой лежало прежде всего понятие «ответственность» [Соколов, Давыдов, Беликов, Сигова 2023], была тесно переплетена с идентичностью Запада как такового, а стратегическое планирование в значительной степени делегировалось на наднациональный уровень. Стратегическая культура ФРГ базировалась на нескольких «китах», к которым можно отнести в первую очередь

культуру сдержанности, буквально абсолютизированный пацифизм, безусловный приоритет союзнических обязательств, отказ от внешнеполитической «нормальности», идею искупления исторической вины и т. д. Таким образом, после анонсирования начала «смены эпох» Германия оказалась перед вызовом необходимости возвращения себе стратегической дееспособности в полном объеме [Арзаманова 2025]. В этой связи не вызывает сомнения, что значительная концептуальная и пока отстающая от нее реальная трансформация внешней и оборонной политики Германии требуют изменения ментальности немецкого общества, формирования в стране новой стратегической культуры, центральным элементом которой впервые становится бундесвер, – в противовес предшествующим десятилетиям фактического «забвения» [Арзаманова 2025]. Речь также идет о поиске новой идентичности Германии как глобального игрока: трансфера Германии от гражданской державы (Zivillmacht – *нем.*) к мировому актору, обладающему стратегическим мышлением.

Однако социологические исследования за 2022–2024 гг. свидетельствуют о том, что, несмотря на секьюритизацию внутренней и внешней политики Германии, стремительный переход от «искупления» к «ответственности» с использованием военного потенциала в бытность правительства «светофора» так и не привел к национальному консенсусу [там же] Несмотря на импульс к формированию новой стратегической культуры Германии внутри германского политического истеблишмента, гражданское общество пока не готово отказаться от культуры пацифизма. В свою очередь это обстоятельство вновь выводит на повестку дня нерешенную проблему неукомплектованности бундесвера и сопутствующей необходимости возвращения в той или иной форме всеобщей воинской обязанности в ФРГ. Это позволяет рассматривать «смену эпох» как часть искусственно сформированного «мейнстримного» внешнеполитического консенсуса элит «разделенного коллективного Запада» (термин предложен автором), что, по сути, сделало судьбу нового курса заложником ситуации на внешнеполитическом треке [Арзаманова 2025]. После февраля 2022 г. в стране сформировался «антироссийский консенсус» [Арзаманова 2023] и политика «сдерживания» [Трунов 2024] РФ. При этом безальтернативной представляется общая архитектура европейской безопасности, а ФРГ стоит перед реальным вызовом обретения стратегической самостоятельности и превращения в геополитического игрока в качестве лидера Объединенной Европы [Арзаманова 2024; Арзаманова 2024а], если последняя хочет сохранить статус одного из центров силы формирующегося миропорядка. В связи с этим представляется, что главным вызовом для претворения в жизнь «смены эпох» в период красно-черной правительственной коалиции помимо актуальной эрозии атлантической солидарности и сопряженных с ней попыток реализации концепции «европеизации Альянса» [Арзаманова 2025] продолжает оставаться необходимость изменения ментальных установок немецкого общества [Арзаманова 2024].

Как представляется, Германии необходима национальная дискуссия по стратегическим вопросам, не ограниченная идейной унификацией немецкого информационного пространства в пределах «мейнстримного» этаблированного внешнеполитического консенсуса, включая «антироссийский». Охватывающая и такие болезненные для политической культуры сюжеты, как «разлом в идентичности» Германии, на востоке которой отмечается формирование неовосточногерманской идентичности [Арзаманова 2023] (как формы социокультурной адаптации) с ее особенностями перцепции «мейнстримной» внешнеполитической повестки и запросом на восстановление российско-германского диалога. Или необходимость выработки новых смыслов во внешней политике ФРГ в отношении Израиля, активные действия которого на Ближнем Востоке формируют прогрессирующий ценностный разрыв в двусторонних отношениях (в фокусе внешнеполитической идентичности Израиля находятся интересы безопасности и самостоятельность, Германии – мультилатерализм и приоритет международного права) и ведут к актуальному размыванию произраильского консенсуса в немецком обществе. Это позволило бы Берлину выстраивать внешнюю политику страны исходя из соображений целесообразности и объективных (а не навязанных информационной повесткой) вызовов безопасности, а также избежать «ловушки милитаризации» – риска возрождения «милитаристского менталитета» в немецком обществе (принимая во внимание то обстоятельство, что более четверти населения имеет мигрантское происхождение и, следовательно, не подверглось послевоенной «вакцинации» пацифизмом) [Арзаманова 2023а] и «завершения ориентированной на диалог» германской внешней политики. Именно в этом Юрген Хабермас, один из крупнейших немецких философов современности, видит угрозу для Германии [Habermas 2025].

В выступлении А.Ф. Дыриной, научного сотрудника ИНИОН РАН, под названием «Внешняя политика Польши в условиях трансатлантического кризиса», отмечалось, что польское государство демонстрирует стремление укреплять оборонные связи с ключевыми европейскими союзниками, сохраняя приверженность к расширению оборонного сотрудничества с США. Польша последовательно ориентировалась на Соединенные Штаты на протяжении нескольких десятилетий, участвовала практически во всех американских военных операциях, поддержала их вторжение в Ирак [Клепацкий 2022]. Полицентричный мир вынуждает ЕС пересматривать прежние форматы сотрудничества и концентрироваться на стратегической автономии [Надточей 2024].

Польша демонстрирует стремление быть страной лидером Восточноевропейского региона. Отсюда огромное количество инициатив, в которых Польша отводит себе лидирующую роль: Восточное партнерство, Троеморье, Люблинский треугольник и др.

Польша активно сотрудничает с Соединенными Штатами, в первую очередь в военной области и сфере ядерной энергетике [Варшава и Вашингтон 2025]. Тесное партнерство с США подталкивает Польшу к попыткам сохранить союз Европы и Соединенных Штатов.

В мае 2025 г. Варшава и Париж заключили договор с обязательствами оказывать друг другу помощь в случае военной угрозы. Польский президент поддержал инициативу Макрона о «ядерном зонтике для Европы», а также заявил о готовности разместить у себя в стране американское ядерное оружие [Каплан 2025].

Следует отметить, что после начала СВО стал активно возобновляться формат встреч «Веймарского треугольника», интересы Польши, Франции и Германии объединились вокруг темы военной и финансовой поддержки Украины, а также военного сотрудничества.

Учитывая тесные связи с США и неразрывность с Европой, Польша заинтересована в преодолении трансатлантического кризиса. Поляков называли «глазами Соединенных Штатов в Европе», что достаточно выгодно для Польши, так как это повышает ее значимость как среди американских, так и европейских партнеров, которые оказались крайне разочарованы политикой Трампа по отношению к альянсу, но не теряют надежды сохранить выстроенный годами формат сотрудничества. Из-за конфликта на Украине большое внимание сосредоточено сейчас на этом регионе, Польша претендует на лидерство в Центрально-Восточной Европе и берет на себя функцию «голоса региона». Страны Западной Европы в определенной степени также воспринимают Польшу как государство, через которое можно взаимодействовать с другими странами ЦВЕ и оказывать влияние. Военный конфликт в соседнем государстве отчасти поспособствовал усилению политического влияния Польши.

Подводя итоги анализа, который был проведен в ходе конференции, практически все ее участники пришли к выводу, что, оставаясь одним из трех центров экономического притяжения современного мира (наряду с США и Китаем), государства – члены ЕС не смогут просто наблюдать, как за их спиной идут переговоры между Вашингтоном и Москвой. Ни «европейские гранды» (Франция и Германия), ни другие европейские страны не смогут позволить себе самоизолироваться от процессов, которые будут определять будущее Европейского континента. Приняв на саммите НАТО в Гааге обязательства по увеличению до 5% ВВП в общий фонд альянса, страны ЕС взяли на себя дополнительную ответственность за будущее системы безопасности на континенте.

В Европейском союзе растет понимание (под воздействием факторов с американской и российской стороны), что ему будет очень сложно развиваться, если он не добьется «стратегической автономии», а это можно сделать только в ходе реформирования процесса принятия решений по вопросам безопасности и развития.

Из всего этого следует, что рано или поздно Евросоюзу придется разрабатывать новую стратегию отношений с Россией, США, Китаем, реагировать более твердо на вызовы глобального характера. От этого зависит не только эффективность ЕС как института на внешнем контуре, но и устойчивость политических систем и обществ самих государств-членов.

### Библиография

Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС // Современная Европа. 2003. № 4 (16). С. 60–67.

Арзаманова Т.В. «Императив стратегической деконструкции»: изменение стратегической культуры и ментальности как рамочные условия формирования новой идентичности Германии // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 173–195.

Арзаманова Т.В. Европейская оборона: пазл со многими неизвестными //Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4 (108). С. 21–52.

Арзаманова Т.В. От «высокого атлантизма» к дисторсии атлантической солидарности: «эффект Трампа» в фокусе «смены эпох» в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2 (126). С. 184–202.

Арзаманова Т.В. Правый популизм в Германии: «нишевая пария» в ловушке западногерманской политической культуры // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 196–218.

Арзаманова Т.В. Формирование новой идентичности Германии в контексте медиатизации политической среды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023а. Т. 14, вып. 12 (134). Часть II. URL: https://history.jes.su/s207987840029692-0-1/ (дата обращения: 13.06.2025).

Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36.

Белинский А.В. «После выборов – перед выбором»: Австрия в год супервыборов // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 1. С. 80–98.

Белинский А.В., Надточей Ю.И. Европейский союз и Китай: дилеммы отношений в меняющемся мире // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 67–86.

Белов В.Б. Отношения ФРГ с КНР: непростое триединство партнерства, конкуренции и соперничества // Актуальные проблемы Европы. № 4 (124). С. 199–222.

Биткова Т.Г. Партии левой ориентации в Румынии. // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3 (127). С. 190–207.

Биткова Т.Г. Румыния и выборы в Европарламент в 2024 году. Актуальные проблемы Европы // 2025а. № 1 (125). С. 136–152.

Биткова Т.Г. Румынская социал-демократия: история и роль в политических баталиях после 2014 г. // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2 (118) С. 168–190.

Биткова Т.Г. Старые и новые популисты в румынской политической парадигме // Актуальные проблемы Европы. 2023а. № 4 (120). С. 288–312.

Варшава и Вашингтон подписали соглашение о строительстве АЭС в Польше // РИА Новости. 2025. 28 апреля. URL: https://ria.ru/20250428/polsha-2013803305.html (дата обращения: 25.06. 2025).

Годованюк К.А. Китайская стратегия Великобритании: непоследовательная последовательность на фоне внутренних дебатов // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 144–164.

Каплан И. Польша захотела получить доступ к ядерному оружию США и Франции // Взгляд. 2025. 18 апреля. URL: https://vz.ru/news/2025/4/18/1326837.html (дата обращения: 25.06. 2025).

Клепацкий Л. Польские геополитические амбиции и их последствия // Международная жизнь. 2022. 15 ноября. URL: https://interaffairs.ru/news/show/37823 (дата обращения: 22.02. 2023).

Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2. С.176–193.

Коровникова Н.А. ЕС–КНР: сотрудничество, соперничество или «снижение рисков»? // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 87–105.

Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 2023. 21(4). С. 72–81.

Лапина Н.Ю. Особенности кампании по выборам в Европарламент во Франции и расстановка политических сил // Актуальные проблемы Европы. 2025. 1 (125). С. 188–211.

Михайленко В. И., Михайленко Е. Б., Мамин Н. В. Между глобализмом и регионализмом: представления о мировом порядке в странах Индо-Тихоокеанского региона // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 4. С. 13–20.

Надточей Ю.И. Европейский союз в новой парадигме международных отношений // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 106–130.

Новик Н.Н., Ройс Д.П., Амурская М.А. Эволюция политики помощи США в Европе после 2016 г. // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С.128–143.

Пархалина Т.Г., Романенко С.А. Международные отношения в Восточной Европе: проблемы, методы, контуры исследования // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2. С.7–24.

Романенко С.А. Введение. Выборы в Европейский парламент 2024: общеевропейские, региональные и национальные процессы и тенденции в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2025. №1. С.5–25.

Романенко С.А. Изучение истории Балкан/ Юго-Восточной Европы. Исследовательские задачи и постановка проблемы // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С.7–22.

Романенко С.А. Политические институты, национально-государственные интересы и проблемы безопасности: политическая жизнь в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы// Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 7–21

Романенко С.А. Политические системы и политические процессы в странах Восточной Европы: этапы, методы изучения и результаты (2014–2022) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2. С.7-30.

Сакс Дж. Европе пора вести собственную политику // Российская газета. 2025. 24 февраля. URL: https://rg.ru/2025/02/24/dzheffri-saks-evrope-pora-vesti-sobstvennuiu-politiku.html (дата обращения: 25.02.2025).

Соколов А. П., Давыдов А. Д., Беликов В. В., Сигова А. А. Специфика национальной идентичности в риторике руководства ФРГ (по выступлениям на Мюнхенской конференции по безопасности 2014–2022 гг.) // Полис. 2023. № 4. С. 105–121.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Сравнительный анализ военной помощи Украине со стороны Германии и Франции (2022–2024 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, №11. С. 52–53.

Товарооборот Азербайджана с РФ в январе – апреле вырос почти на 40% с 2024 года // ТАСС. 2025. 20 мая. URL: https://tass.ru/ekonomika/23989229 (дата обращения: 31.05.2025).

Товарооборот Азербайджана со странами Евросоюза вырос более чем на треть // Спутник. Азербайджан. 2025a. 31 мая. UR: https://az.sputniknews.ru/20250531/tovarooborot-azerbaydzhana-so-stranami-evrosoyuza-vyros-bolee-chem-na-tret-471482908.html (дата обращения: 31.05.2025).

Тодд Э. Поражение Запада. М.: АСТ, 2024. 320 с.

Транскаспийский международный транспортный маршрут и другие перспективные коридоры в Центральной Азии. Январь 2025 URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/7fa/69jwc2gbyzntilvwf4nv0b55g17uu3i6/ru310125_TMTM.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

Трунов Ф.О. Динамика противостояния США с КНР и позиция европейских государств // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 7–26.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024a. № 4. С. 223–239.

Трунов Ф.О. Проблемы и перспективы глобальной субъектности ФРГ в военном и политическом отношениях: реалии начала 2020-х гг. // Актуальные проблемы Европы. 2024b. № 1. С. 196–221. 216.

Франция назвала «ударом в спину» расторжение Австралией «контракта века» // РБК. 16.09.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/6142f6e69a79477e4a83c5e2 (дата обращения 25.05.2025).

Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4 (108). С. 114–136.

Чернега В.Н. Политика Франции на китайском направлении в контексте противостояния между Вашингтоном и Пекином // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 165–182.

Чихачев А.Ю. Франция между США и КНР в Индо-Тихоокеанском регионе: трудности «третьего пути» // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 183–198.

Acharia A. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge University Press. 2018. 216 p.

Bajpai K. Asian conceptions of international order: what Asia wants. // International Affairs. 2023. N 99 (4). P. 1371–1381.

Bell C. The Debatable Alliance; an Essay in Anglo-American Relations. London: Oxford University Press, 1964. 111 p.

Biscop S. Effective multilateralism: bringing the European way into practice // Audit of European Strategy 2004. P. 27–32. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep06654.7 (дата обращения: 14.03.2025)

Budiantoro S. Asia needs a sustainability paradigm authored by Asians// Asia Times. 2025. May 7.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 592 p.

Călin Georgescu vrea referendum pentru ieșirea din UE și NATO, fiindcă ne descurcăm singuri: “România va fi motorul Europei. Germania nu are de unde” // Spotmedia. 2025. March 04. URL: https://spotmedia.ro/stiri/politica/calin-georgescu-vrea-referendum-pentru-iesirea-din-ue-si-nato-fiindca-ne-descurcam-singuri-romania-va-fi-motorul-europei-germania-nu-are-de-unde (дата обращения: 17.04.2025)

Chan M. Joint Humanitarian Statement // X Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 2022. August 22. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/22Aug_HINW.pdf (дата обращения: 17.04.2025)

European Union, Trade in goods with Georgia // European Commission Statistics. 2024. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

Everts S. Europe must learn the art of ‘unpowering’ Russia // Politico. 2025. May 23. URL: https://www.politico.eu/article/europe-russia-power-military-moscow-hostility-war-ukraine-putin/ (дата обращения: 28.05.2025).

Georgescu C. Cumpana României. București, 2016. 192 p.

González L. A. The Resurgence of Europe. How the Continent Can Survive American Antagonism and Come Out Stronger // Foreign Affairs. 2025. May 12. URL: https://www.foreignaffairs.com/europe/resurgence-europe-how-survive-american-antagonism (дата обращения: 14.05.2025).

Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. 641 p.

Habermas J. For Europe // Sueddeutsche Zeitung. 2025. March 23. URL: https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/juergen-habermas-essay-europa-e494414/?reduced=true (дата обращения: 01.05.2025).

Hettne B., Söderbaum F. The UN and Regional Organizations Global Security: Competing or Complementary Logics? // Global Governance. 2006. N 12(3). P. 227–232.

Jacques Rupnik: Voir les Américains pivoter vers Poutine laisse les Européens de l'Est groggy/ Interview de L. Mandeville // Le Figaro. 2025. Avril 25. URL: https://www.google.com/search?q=jacques+rupnik+%3A+voir+les+am%C3%A9ricains+pivoter+vers+poutine+les+europ%C3%A9ens+de+l%E2%80%99est+groggy%2F+interview+de+l.+mandeville+%2F%2F+le+figaro%2C+25+avril+2025.&oq=&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUqCQgAEEUYOxjCAzIJCAAQRRg7GMIDMgkIARBFGDsYwgMyCQgCEEUYOxjCAzIJCAMQRRg7GMIDMgkIBBBFGDsYwgMyCQgFEEUYOxjCAzIJCAYQRRg7GMIDMgkIBxBFGDsYwgPSAQkxNDYxajBqMTWoAgiwAgHxBThHjxqgQYFe&sourceid=chrome&ie=UTF-8

Joel Ng. Prospects for Multilateralism at the End of the Liberal Order// Multilateral Matters. 2025. № 55. URL: https://dr.ntu.edu.sg/server/api/core/bitstreams/2fc68e22-a476-4541-b159-0fc786b7d449/content (дата обращения: 10. 05. 2025).

Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // Canada's Journal of Global Policy Analysis. 1990. N 45(4). P. 731–764.

Kowert P., Legro J. Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise, in The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics (Edited by Peter J. Katzenstein). New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.

L'interview du Président Emmanuel Macron sur TF1 et France 2 // Elysee. 2024. Mars 14. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/03/14/20h-linterview-du-president-emmanuel-macron-sur-tf1-et-france-2-1 (дата обращения: 15.03.2024).

Laatikainen K.V. Conceptualizing Groups in UN Multilateralism: The Diplomatic Practice of Group Politics. // The Hague Journal of Diplomacy. 2017. N 12(2). P. 113-137.

Lagrave M. «Sorbonne 2»: Macron n'a pas convaincu // Le Figaro. 2025. Avril 25.

Les indices de la popularité // IFOP. 2025. URL: https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-avril-2025/ (дата обращения: 10.05.2025)

Leyen, von der U. "The West as we knew it no longer exists", says amid Trump tensions // Euro News. 2025. April 16. https://www.euronews.com/my-europe/2025/04/16/the-west-as-we-knew-it-no-longer-exists-von-der-leyen-says-amid-trump-tensions (дата обращения: 10. 05. 2025).

Macron E. Discours à la Sorbonne. 2024. Avril 25. URL: https://www.youtube.com/watch?v=URQaC22QHY8 (дата обращения: 26.04.2024).

Mukhatzhanova G., Potter W. Coalitions to Watch at the 2015 // NPT Review Conference. Nuclear Threat Initiative. 2015. URL: https://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/ (дата обращения: 12.05.2025).

"Ne pas humilier la Russie": l'appel d'Emmanuel Macron fait des vagues. Euractiv. 2022. June 07. URL: https://www.euractiv.fr/section/international/news/ne-pas-humilier-la-russie-lappel-demmanuel-macron-fait-des-vagues/ (дата обращения: 25.02.2025).

Outcomes of the first Central Asia–EU Summit in Samarkand News Central Asia 2025. Avril 05. URL: https://www.newscentralasia.net/2025/04/05/outcomes-of-the-first-central-asia-eu-summit-in-samarkand/ (дата обращения: 25.05.2025)

Ovarez L. Guerre en Ukraine: cette paix dont Donald Trump a besoin au plus vite. L'Opinion. 27 avril 2025. URL: https://www.lopinion.fr/international/guerre-en-ukraine-cette-paix-dont-donald-trump-a-besoin-au-plus-vite (дата обращения: 28.04.2025).

Russia trade summary 2024 // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/russia-and-eurasia/russia#:~:text=Russia%20Trade%20Summary,(%2473.5%20million)%20from%202023 (дата обращения: 28.05.2025).

The Belt and Road and Global Gateway Initiatives: Prospects and Opportunities for Central Asian Countries // CABAR. 2023. November 30. URL: https://cabar.asia/en/the-belt-and-road-and-global-gateway-initiatives-prospects-and-opportunities-for-central-asian-countries (дата обращения: 25.05. 2025).

The new “NDICI – Global Europe” (2021–2027) // European Union. External Action. The Diplomatic Service of the European Union. 2022. March 17. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/new-%E2%80%98ndici-global-europe%E2%80%99-2021-2027_en (дата обращения: 25.05.2025).

The People’s Republic of China 2024. China Trade Summary // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china (дата обращения: 25.05.2025).

U.S. Bureau (a) of Economic Analysis. China - International Trade and Investment Country Facts // An official website of the United States government. URL: https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#650 (дата обращения: 30.05.2025).

U.S. Bureau of Economic Analysis. China – International Trade and Investment Country Facts // An official website of the United States government. URL: https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#341 (дата обращения: 30.05.2025).

## References

Acharia A. Constructing Global Order. Agency and Change in World Politics. Cambridge University Press. 2018. 216 p.

Arbatova N.K. Novaya strategiya bezopasnosti ES [The New EU Security Strategy]. Sovremennaya Evropa. 2003. N 4 (16). Pp. 60–67. (In Russ.)

Arzamanova T.V. “Imperativ strategicheskoi dekonstruktsii”: izmenenie strategicheskoi kul’tury i mental’nosti kak ramochnye usloviya formirovaniya novoi identichnosti Germanii [“The Imperative of Strategic Deconstruction”: Changes in Strategic Culture and Mentality as Framework Conditions for the Formation of Germany’s New Identity]. Aktual’nye problemy Evropy. 2024. N 1 (121). Pp. 173–195. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Evropeiskaya oborona: pazl so mnogimi neizvestnymi [European Defence: A Puzzle with Many Unknowns]. Aktual’nye problemy Evropy. 2020. N 4 (108). P. 21–52. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Formirovanie novoi identichnosti Germanii v kontekste mediatizatsii politicheskoi sredy [The Formation of a New German Identity in the Context of the Mediatization of the Political Environment]. Istoriya (Electronic Scientific and Educational Journal). 2023a. Vol. 14. Iss. 12 (134), part II. URL: https://history.jes.su/s207987840029692-0-1/ (date of access: 11.03.2025) (In Russ.)

Arzamanova T.V. Ot “vysokogo atlantizma” k distorsii atlanticheskoi solidarnosti: “effekt Trampa” v fokuse “smeny epokh” v FRG [From “High Atlanticism” to the Distortion of Atlantic Solidarity: The “Trump Effect” in the Context of Germany’s “Turning of the Times”]. Aktual’nye problemy Evropy. 2025. N 2 (126). P. 184–202. (In Russ.)

Arzamanova T. V. Pravyi populizm v Germanii: “nishevaya pariya” v lovushke zapadnogermanskoi politicheskoi kul’tury [Right-Wing Populism in Germany: A “Niche Pariah” Trapped in West German Political Culture]. Aktual’nye problemy Evropy. 2023. N 4 (120). P. 196–218. (In Russ.)

Bajpai K. Asian conceptions of international order: what Asia wants. // International Affairs. 2023. N 99 (4). P. 1371–1381.

Belinskii A. V. “Posle vyborov – pered vyborom”: Avstriya v god supervyborov [“After the Elections – Before the Choice”: Austria in a Year of Super-Elections]. Aktual’nye problemy Evropy. 2025. N 1. P. 80–98. (In Russ.)

Belinskii A. V. “Vosstanie protiv elit”: vsplesk pravoradikal’nogo populizma v Zapadnoi Evrope [“Revolt against the Elites”: The Rise of Right-Wing Radical Populism in Western Europe]. Aktual’nye problemy Evropy. 2018. N 2. P. 14–36. (In Russ.)

Belinskii A. V., Nadtochii Yu. I. Evropeiskii soyuz i Kitai: dilemmy otnoshenii v menyayushchemsya mire [The European Union and China: Relationship Dilemmas in a Changing World]. Aktual’nye problemy Evropy. 2024. N 4 (124). P. 67–86. (In Russ.)

Bell C. The Debatable Alliance; an Essay in Anglo-American Relations. London: Oxford University Press, 1964. 111 p.

Belov V. B. Otnosheniya FRG s KNR: neprostoe triedinstvo partnerstva, konkurentsii i sopernichestva [Germany–China Relations: The Difficult Triad of Partnership, Competition, and Rivalry]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4 (124). P. 199–222. (In Russ.)

Biscop S. Effective multilateralism: bringing the European way into practice. Audit of European Strategy 2004. P. 27–32. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep06654.7 (date of access: 14.03.2025)

Bitkova T. G. Partii levoi orientatsii v Rumynii [Left-Oriented Parties in Romania]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 3 (127). P. 190–207. (In Russ.)

Bitkova T. G. Rumyniya i vybory v Evroparlament v 2024 godu [Romania and the 2024 European Parliament Elections]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 1 (125). P. 136–152. (In Russ.)

Bitkova T. G. Rumynskaya sotsial-demokratiya: istoriya i rol' v politicheskikh bataliyakh posle 2014 g. [Romanian Social Democracy: History and Role in Political Battles after 2014]. Aktual'nye problemy Evropy. 2023. N 2 (118). P. 168–190. (In Russ.)

Bitkova T. G. Starye i novye populisty v rumynskoi politicheskoi paradigme [Old and New Populists in the Romanian Political Paradigm]. Aktual'nye problemy Evropy. 2023. N 4 (120). P. 288–312. (In Russ.)

Budiantoro S. Asia needs a sustainability paradigm authored by Asians. Asia Times. 2025. May 7.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 592 p.

Călin Georgescu vrea referendum pentru ieșirea din UE și NATO, fiindcă ne descurcăm singuri: "România va fi motorul Europei. Germania nu are de unde". Spotmedia. 2025. March 04. URL: https://spotmedia.ro/stiri/politica/calin-georgescu-vrea-referendum-pentru-iesirea-din-ue-si-nato-fiindca-ne-descurcam-singuri-romania-va-fi-motorul-europei-germania-nu-are-de-unde (date of access: 17.04.2025).

Chan M. Joint Humanitarian Statement Delivered by H.E Maritza Chan, Ambassador, Chargé daffaires, Permanent Mission of Costa Rica to the United Nations. X Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York. 2022. August 22. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/22Aug_HINW.pdf (date of access: 17.04.2025)

Chernega V. N. Podkhody k sozdaniyu "evropeiskoi oborony" vo Frantsii [Approaches to the Creation of "European Defence" in France]. Aktual'nye problemy Evropy. 2020. N 4 (108). P. 114–136. (In Russ.)

Chernega V. N. Politika Frantsii na kitaiskom napravlenii v kontekste protivostoyaniya mezhdu Vashingtonom i Pekinom [France's China Policy in the Context of U.S.–China Confrontation]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4 (124). P. 165–182. (In Russ.)

Chikhachev A. Yu. Frantsiya mezhdu SShA i KNR v Indo-Tikhookeanskom regione: trudnosti "tret'ego puti" [France between the United States and China in the Indo-Pacific Region: The Difficulties of a "Third Way"]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4 (124). P. 183–198. (In Russ.)

European Union, Trade in goods with Georgia. European Commission Statistics. 2024. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf (date of access: 11.03.2025)

Everts S. Europe must learn the art of 'unpowering' Russia. Politico. 2025. May 23. URL: https://www.politico.eu/article/europe-russia-power-military-moscow-hostility-war-ukraine-putin/ (date of access: 28.05.2025)

Frantsiya nazvala "udarom v spinu" rastorzhenie Avstraliei "kontrakta veka" [France Called Australia's Termination of the "Contract of the Century" a "Stab in the Back"]. RBC. 2021. September 16. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/6142f6e69a79477e4a83c5e2 (date of access: 25.05.2025). (In Russ.)

Georgescu C. Cumpana României. București, 2016. 192 p.

Godovanyuk K. A. Kitaiskaya strategiya Velikobritanii: neposledovatel'naya posledovatel'nost' na fone vnutrennikh debatov [The UK's China Strategy: Inconsistent Consistency amid Domestic Debates]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4. P. 144–164. (In Russ.)

González L. A. The Resurgence of Europe. How the Continent Can Survive American Antagonism and Come Out Stronger. Foreign Affairs. 2025. May 12. URL: https://www.foreignaffairs.com/europe/resurgence-europe-how-survive-american-antagonism (date of access: 14.05.2025).

Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950–1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. 641 p.

Habermas J. For Europe. Sueddeutsche Zeitung. 2025. March 23. URL: https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/juergen-habermas-essay-europa-e494414/?reduced=true (date of access: 01.05.2025)

Hettne B., Söderbaum F. The UN and Regional Organizations Global Security: Competing or Complementary Logics? Global Governance. 2006. N 12(3). P. 227–232.

Jacques Rupnik: Voir les Américains pivoter vers Poutine laisse les Européens de l'Est groggy. Interview de L. Mandeville. Le Figaro. 2025. Avril 25. URL: https://www.google.com/search?q=jacques+rupnik+%3A+voir+les+am%C3%A9ricains+pivoter+vers+poutine+les+europ%C3%A9ens+de+l%E2%80%99est+groggy%2F+interview+de+l.+mandeville+%2F%2F+le+figaro%2C+25+avril+2025.&oq=&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUqCQgAEEUYOxjCAzIJCAAQRRg7GMIDMgkIARBFGDsYwgMyCQgCEEUYOxjCAzIJCAMQRRg7GMIDMgkIBBBFGDsYwgMyCQgFEEUYOxjCAzIJCAYQRRg7GMIDMgkIBxBFGDsYwgPSAQkxNDYxajBqMTWoAgiwAgHxBThHjxqgQYFe&sourceid=chrome&ie=UTF-8

Joel Ng. Prospects for Multilateralism at the End of the Liberal Order. Multilateral Matters. 2025. N 55. URL: https://dr.ntu.edu.sg/server/api/core/bitstreams/2fc68e22-a476-4541-b159-0fc786b7d449/content (date of access: 10.05.2025)

Kaplan I. Pol'sha zakhotela poluchit' dostup k yadernomu oruzhiyu SShA i Frantsii [Poland Sought Access to U.S. and French Nuclear Weapons]. Vzglyad, 18 April 2025. URL: https://vz.ru/news/2025/4/18/1326837.html (date of access: 25.06. 2025). (In Russ.)

Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research. Canada's Journal of Global Policy Analysis. 1990. N 45(4). P. 731–764.

Klepatskii L. Pol'skie geopoliticheskie ambitsii i ikh posledstviya [Polish Geopolitical Ambitions and Their Consequences]. Mezhdunarodnaya zhizn', 15 November 2022. URL: https://interaffairs.ru/news/show/37823 (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

Knyazeva S. E. Problema vstupleniya v ES balkanskikh stran i rasshireniya ES v kontekste tsennostnoi modeli Evropeiskogo soyuza [EU Enlargement to the Balkans in the Context of the European Union's Value Model]. Aktual'nye problemy Evropy. 2022. N 2. P. 176–193. (In Russ.)

Korovnikova N. A. ES–KNR: sotrudnichestvo, sopernichestvo ili "snizhenie riskov"? [EU–China: Cooperation, Rivalry or "De-risking"?]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4 (124). P. 87–105. (In Russ.)

Kowert P., Legro J. Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise, in The Culture of National Security Norms and Identity in World Politics (Edited by Peter J. Katzenstein). New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.

L'interview du Président Emmanuel Macron sur TF1 et France 2. Elysee. 2025. 14 Mars. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/03/14/20h-linterview-du-president-emmanuel-macron-sur-tf1-et-france-2-1 (date of access: 15.03.2024).

Laatikainen K.V. Conceptualizing Groups in UN Multilateralism: The Diplomatic Practice of Group Politics. The Hague Journal of Diplomacy. 2017 12 (2). P. 113–137.

Lagrave M. «Sorbonne 2»: Macron n'a pas convaincu. Le Figaro. 2025. Avril 25.

Lapina N. Yu. Osobennosti kampanii po vyboram v Evroparlament vo Frantsii i rasstanovka poli-

ticheskikh sil [The European Parliament Election Campaign in France and the Alignment of Political Forces]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 1 (125). P. 188–211. (In Russ.)

Lavrov S. V. Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv "poryadka, osnovannogo na pravilakh" [Genuine Multilateralism and Diplomacy against the "Rules-Based Order"]. Rossiya v global'noi politike. 2023. Vol. 21. N 4. P. 72–81. (In Russ.)

Les indices de la popularité // IFOP. 2025. URL: https://www.ifop.com/publication/les-indices-de-popularite-avril-2025/ (date of access: 10.05.2025)

Leyen, von der U. "The West as we knew it no longer exists", says amid Trump tensions. Euro News. 2025. April 16. URL: https://www.euronews.com/my-europe/2025/04/16/the-west-as-we-knew-it-no-longer-exists-von-der-leyen-says-amid-trump-tensions (date of access: 10. 05. 2025).

Macron E. Discours à la Sorbonne. 2024. Avril 25. URL: https://www.youtube.com/watch?v=URQaC22QHY8 (date of access: 26.04.2024).

Mikhailenko V. I., Mikhailenko E. B., Mamin N. V. Mezhdu globalizmom i regionalizmom: predstavleniya o mirovom poryadke v stranakh Indo-Tikhookeanskogo regiona [Between Globalism and Regionalism: Perceptions of the World Order in the Indo-Pacific Countries]. Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie. 2024. Vol. 6. N 4. P. 13–20. (In Russ.)

Mukhatzhanova G., Potter W. Coalitions to Watch at the 2015 // NPT Review Conference. Nuclear Threat Initiative. 2015. URL: https://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/ (date of access: 12.05.2025).

Nadtochii Yu. I. Evropeiskii soyuz v novoi paradigme mezhdunarodnykh otnoshenii [The European Union in a New Paradigm of International Relations]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 1 (121). Pp. 106–130. (In Russ.)

«Ne pas humilier la Russie»: l'appel d'Emmanuel Macron fait des vagues. Euractiv. 2022. June 07. URL: https://www.euractiv.fr/section/international/news/ne-pas-humilier-la-russie-lappel-dem-manuel-macron-fait-des-vagues/ (date of access: 25.02.2025).

Novik N. N., Rois D. P., Amurskaya M. A. Evolyutsiya politiki pomoshchi SShA v Evrope posle 2016 g. [The Evolution of U.S. Aid Policy in Europe after 2016]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 2. P. 128–143. (In Russ.)

Outcomes of the first Central Asia–EU Summit in Samarkand News Central Asia 2025. Avril 05. URL: https://www.newscentralasia.net/2025/04/05/outcomes-of-the-first-central-asia-eu-summit-in-samarkand/ (date of access: 25.05.2025).

Ovarez L. Guerre en Ukraine: cette paix dont Donald Trump a besoin au plus vite. L'Opinion. 2025. avril 27. URL: https://www.lopinion.fr/international/guerre-en-ukraine-cette-paix-dont-donald-trump-a-besoin-au-plus-vite (date of access: 28.04.2025).

Parkhalina T. G., Romanenko S. A. Mezhdunarodnye otnosheniya v Vostochnoi Evrope: problemy, metody, kontury issledovaniya [International Relations in Eastern Europe: Problems, Methods, and Research Frameworks]. Aktual'nye problemy Evropy. 2022. N 2. Pp. 7–24. (In Russ.)

Romanenko S. A. Izuchenie istorii Balkan / Yugo-Vostochnoi Evropy: issledovatel'skie zadachi i postanovka problemy [Studying the History of the Balkans / Southeastern Europe: Research Tasks and Problem Setting]. Aktual'nye problemy Evropy. 2021. N 2. Pp. 7–22. (In Russ.)

Romanenko S. A. Politicheskie instituty, natsional'no-gosudarstvennye interesy i problemy bezopasnosti: politicheskaya zhizn' v stranakh Tsentral'no-Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy [Political Institutions, Nation-State Interests, and Security Issues: Political Life in Central-Eastern and South-Eastern Europe]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 2. P. 7–21. (In Russ.)

Romanenko S. A. Politicheskie sistemy i politicheskie protsessy v stranakh Vostochnoi Evropy: etapy, metody izucheniya i rezul'taty (2014–2022) [Political Systems and Political Processes in Eastern Europe: Stages, Methods of Study, and Results (2014–2022)]. Aktual'nye problemy Evropy. 2023. N 2. P. 7–30. (In Russ.)

Romanenko S. A. Vvedenie. Vybory v Evropeiskii parlament 2024: obshcheevropeiskie, regional'nye i natsional'nye protsessy i tendentsii v stranakh Tsentral'no-Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy [Introduction. The 2024 European Parliament Elections: Pan-European, Regional, and National Processes and Trends in Central-Eastern and South-Eastern Europe]. Aktual'nye problemy Evropy. 2025. N 1. P. 5–25. (In Russ.)

Russia trade summary 2024. Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/russia-and-eurasia/russia#:~:text=Russia%20Trade%20Summary,(%2473.5%20million)%20from%202023 (date of access: 28.05.2025).

Sachs J. Evrope pora vesti sobstvennuyu politiku [Europe Should Pursue Its Own Policy]. Rossiiskaya Gazeta. 2025. February 24. URL: https://rg.ru/2025/02/24/dzheffri-saks-evrope-pora-vesti-sobstvennuiu-politiku.html (date of access: 25.02. 2025). (In Russ.)

Sokolov A. P., Davydov A. D., Belikov V. V., Sigova A. A. Spetsifika natsional'noi identichnosti v ritorike rukovodstva FRG (po vystupleniyam na Myunkhenskoi konferentsii po bezopasnosti 2014–2022 gg.) [The Specifics of National Identity in the Rhetoric of the German Leadership (Based on Speeches at the Munich Security Conference, 2014–2022)]. Polis. 2023. N 4. P. 105–121. (In Russ.)

The Belt and Road and Global Gateway Initiatives: Prospects and Opportunities for Central Asian Countries. CABAR. 2023. November 30. URL: https://cabar.asia/en/the-belt-and-road-and-global-gateway-initiatives-prospects-and-opportunities-for-central-asian-countries (date of access: 25.05. 2025).

The new "NDICI – Global Europe" (2021–2027). European Union. External Action. The Diplomatic Service of the European Union. 2022. March 17. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/new-%E2%80%98ndici-global-europe%E2%80%99-2021-2027_en (date of access: 25.05.2025).

The People's Republic of China 2024. China Trade Summary. Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china (date of access: 25.05.2025).

Timofeev P. P., Khorol'skaya M. V. Sravnitel'nyi analiz voennoi pomoshchi Ukraine so storony Germanii i Frantsii (2022–2024 gg.) [A Comparative Analysis of Military Aid to Ukraine from Germany and France (2022–2024)]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. Vol. 68. N 11. P. 52–53. (In Russ.)

Todd E. Porazhenie Zapada [The Defeat of the West]. Moscow, AST Publ., 2024. 320 p. (In Russ.)

Tovarooborot Azerbaidzhana s RF v yanvare – aprele vyros pochti na 40% s 2024 goda [Azerbaijan–Russia Trade Turnover Increased by Nearly 40% from January to April Compared to 2024]. TASS. 2025. May 20. URL: https://tass.ru/ekonomika/23989229 (date of access: 31.05.2025). (In Russ.)

Tovarooborot Azerbaidzhana so stranami Evrosoyuza vyros bolee chem na tret' [Azerbaijan–EU Trade Turnover Increased by More than One Third]. Sputnik Azerbaijan. 2025a. May 31. URL: https://az.sputniknews.ru/20250531/tovarooborot-azerbaydzhana-so-stranami-evrosoyuza-vyros-bolee-chem-na-tret-471482908.html (date of access: 31.05. 2025). (In Russ.)

Transkaspiiskii mezhdunarodnyi transportnyi marshrut i drugie perspektivnye koridory v Tsentral'noi Azii [The Trans-Caspian International Transport Route and Other Promising Corridors in Central Asia]. 2025. Jan. URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/7fa/69jwc2gbyzntilvwf4nv0b55g17uu3i6/ru310125_TMTM.pdf (date of access: 25.05.2025). (In Russ.)

Trunov F.O. Dinamika protivostoyaniya SShA s KNR i pozitsiya evropeiskikh gosudarstv [The Dynamics of U.S.–China Confrontation and the Position of European States]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024. N 4. P. 7–26. (In Russ.)

Trunov F.O. Podkhod FRG k protivostoyaniyu SShA–KNR k seredine 2020-kh godov: politicheskie i voennye aspekty [Germany's Approach to the U.S.–China Confrontation by the Mid-2020s: Political and Military Aspects]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024a. N 4. P. 223–239. (In Russ.)

Trunov F.O. Problemy i perspektivy global'noi sub"ektnosti FRG v voennom i politicheskom

otnosheniyakh: realii nachala 2020-kh gg. [Problems and Prospects of Germany's Global Agency in Military and Political Terms: The Realities of the Early 2020s]. Aktual'nye problemy Evropy. 2024b. N 1. P. 196–221. (In Russ.)

U.S. Bureau (a) of Economic Analysis. China - International Trade and Investment Country Facts. An official website of the United States government. URL: https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#650 (date of access: 30.05.2025).

U.S. Bureau of Economic Analysis. China – International Trade and Investment Country Facts. An official website of the United States government. URL: https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#341 (date of access: 30.05.2025).

Varshava i Vashington podpisali soglashenie o stroitel'stve AES v Pol'she [Warsaw and Washington Signed an Agreement on the Construction of a Nuclear Power Plant in Poland]. RIA Novosti. 2025. April 28. Available at: https://ria.ru/20250428/polsha-2013803305.html (date of access: 25.06. 2025). (In Russ.)